

Диана Хант

16+

ЙАГИНЯ
ТАЙНЫЙ ДАР

Диана Хант

Йагиня. Тайный дар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30480824

SelfPub; 2022

Аннотация

Маги и чародеи. Светлые и темные. Живые и... не очень. В мире Макоши места хватит всем. Мне, наследной Йагине, следует держать свой дар в секрете, в частности от всяких заезжих чародеев из Стольного града... особенно, если у них притягательные, как ночь, глаза и белозубая улыбка... Страшно представить, что будет, если чародей узнает обо мне, но еще страшнее, если узнает о моей реакции... на него.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	49
Глава 4	74
Глава 5	93
Глава 6	114
Глава 7	133
Глава 8	147
Глава 9	157
Глава 10	175
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Диана Хант
Йагиня. Тайный дар

Часть 1

Глава 1

Сказ вводный, первый. Новости из Стольграда

– Вот же склочная баба! Ни дня без свары! Ты только подумай, Стефанида, что нонче удумала! Что б я, Сидор, за так просто взял да выпил весь запас вишневой наливки, что женка до праздников поставила! Да еще без спросу! Да ни в жисть! – не унимался старый хитрец, пока мои пальцы бойко плели исцеляющий заговор, тонкой голубой паутинкой покрывающий его коленную чашечку.

Вообще-то Сидору повезло: судя по парам дыхания, наливку женки они с мужиками щедро мешали с чистым медицинским спиртом – откуда взяли-то только такую страсть в Верхнем Курене? Впрочем, умом, как говорится, не до всего додумаешься, а искать логику в поступках куренских и прочих селян, я, несмотря на возраст, давно перестала.

Однако факт совмещения наливки и спирта налицо, и как следствие – художественный во всех отношениях фингал на этом самом лице, вывих плеча и чудом уцелевшая коленная чашечка деда... Да еще не нравится мне это начинающееся воспаление...

– Нет, ты видела, Стефанида, с кем живу? Не жисть, а мука! – сплюнула в сердцах себе под ноги Снулка, та самая

«склочная баба», которая вернувшись заранее из станицы обнаружила вместо недавно возведенного, можно сказать нарядного курятника – развалины, своего мужика в компании невменяемых соседей мужеского полу и совершенно пьяных свиней, а также коз, спокойно шастающих по грядкам с молодой капустой и огурцами.

Картину завершала спящая мертвецким сном домашняя птица: гуси и куры, как будто нарочно разбросанные по двору согласно чьей-то сумасшедшей задумке.

Как Сидору, Ижику и Митридоту удалось напоить не только скотину, но и птицу, для меня оставалось загадкой, но окинув взглядом представшую перед глазами картину, пришлось признать – гуси в гораздо более бедственном положении, нежели куры: те хоть не посплетались длинными шеями так, что сразу и не скажешь, где из них чья...

– Я то, грешным делом, подумала, что передохла птица-то! – горестно вопила Снулка. – И давай, слезами горячими да умываясь, щипать из них пух!

«Ну да, пух в первую очередь, – подумала я, кивая, – Ведь лежащий посреди двора в обнимку с поросенком хозяин может и подождать!»

А впрочем, кто я такая, чтобы учить кого-то, как правильно, и как нет! Мое дело маленькое – знай себе, лечи!

Снулка же продолжает горестно причитать, чем признаться, значительно мешает процессу исцеления благоверного:

– И только двоих ведь успела ощипать, как они – раз и

вскаквают! Наверноть замерзли! Я чуть совсем не сказала! Страх-то! Страх!

Очень ее понимаю, двое вышеупомянутых, чудесным образом воскресших гусей, своим розовым голым видом знатно действовали мне на нервы чуть не с утра. Не сказать, что барышня я слабая да нервная от природы, просто как тут от смеха удержишься, чего мне по статусу допускать совершенно не положено!

Я, стараясь не смотреть на этих лысых существ, жавшихся к толстой хозяйской мурке, которая шипит на них, и, бешено вытаращив глаза, отступает от странных, непонятных животных, что пахнут-то как гуси, но вида совершенно неожиданного, метнула в птичек согревающим заклинанием. На первое время им хватит, а там, гляди ж, и курятник на своем месте восстановится, и пухом начнут обрастать.

Долго Снулка с подружками теперь не поедут с ночевкой на Ярмарку в станицу Нижние Выселки! Вот что бывает, когда на хозяйстве остаются мужики, склонные к злоупотреблению! И магическая защита погреба для них оказалась не преграда: и ведь, что удумали! Спускали в отверстие на зачарованной половице удочку с магнитом, а о том, чтобы все крышки на заветных бутылках оказались металлические, Сидор заранее позаботился! Откуда только деревенская неугомонная тройца разжилась чистым медицинским спиртом – вот в чем вопрос!

– Так это ж дохтур этот городской им подсобил! Они ему

забор покрасили – он и отблагодарил, окаянный! – внесла ясность Снулка.

Я по-стариковски поджала губы: отношения с городским «дохтуром» у нашего семейства потомственных Яагинь не ахти: к лесным целительницам испокон веку обращались жители как окрестных деревенок и станиц, таких вот, как эта – Верхний Курень, и Нижние Выселки, где раз в сезон проходят шумные Ярмарки, а также и самого Штольграда, что, разумеется, не добавляет нам симпатии вышеобозначенного доктора... Хотя, если б вместо того, чтобы по кабакам кутить, романы крутить направо и налево с мамзельками, не обремененными особо строгим воспитанием и деревенских мужиков спаивать за счет запасов того самого *его* медицинского, доктор этот занялся бы своими прямыми обязанностями, глядишь, и нам поспокойней жилось бы, и этому охламону поприбыльнее...

Закончив, наконец, с Сидором, я перешла к мертвецки пьяной скотине и домашней птице: с Ижиком и Митридом, ровно, как и с их женками, мы сегодня уже успели повидаться. В отличие от Сидора, обошедшегося по большей части легким испугом, впрочем, сомневаюсь, что он и это упомнит, собутыльникам его повезло меньше.

Поэтому, когда запыхавшись, роняя тапки, прибежала за мной утром Оленка, на ходу рассказывая о злоключениях дядьев, пока они с мамкой и теткой на Ярмарку ездили, я первым делам отправилась накладывать заклинание, сращи-

вающее кости на руку Митридата и приводить в себя деда Ижика.

Селянки не поскупились на благодарность, еще бы – косьба на носу, а мужики преждевременно из строя решили выйти!

– Спасибо, Стефанидушка! Дай Светлый Дажьбог тебе крепкого здоровья и долголетия, внучкам – женихов богатых, а внуку – невестушку-красавицу! Вот, не побрезгуй, чем смогли, – Снулка протягивала мне целый мешок гостинцев, – Вот, Сеньке-то на сарафан, целый отрез поплину-то, да чтоб и мелкой на рубаху хватило! Сама своим девкам приглядела, да ведь и вас надо уважить!

Снулка планомерно тащила меня в горницу за стол, вознамерившись во что бы то ни стало угостить знаменитой своею наливкой, с которой, собственно, весь сыр-бор и начался, но я обеими руками отмахивалась от нее, не дай светлые боги, бабуля узнает, так накажет, мало не покажется. И правильно, нечего позорить род Йагинь распитием! Да еще среди бела дня и на глазах у всей деревни!

Снулка все-таки всунула чудом сохранившийся после пиршества деда, бутылек наливки мне в заплечный мешок, на прощание, увидев, что в своем решении я непреклонна.

– Пойду я, Снулочка, итак с вашими мужиками почти целый день провошкалась, внуков с одной Раифой ведь оставила! А если и ее куда позвали! Да не дай светлый Дажьбог! Пойду!

– Поблагодари благодетельницу нашу, старый дуралей! – сверкнула Снулка глазами на мужа. Но его благодарность, учитывая, что я к обязательной целительской, программе, от себя добавила заклинание трезвости на целый месяц, была вовсе не такая искренняя, как у женки.

– А ты, Сидор, на меня не серчай, – прогудела я басом. – Покос на носу! Как раз до праздника Уборки Хлеба цверезые походите, ничо! – тут я пожевала губами. – Неча нас сестрами по дурости вашей дергать! А никак Аньшане бы срок сегодня подошел! И что ж мне, разорваться, между Верхним и Нижним Куренями? И к кому бежать? К рожаящей бабе али к учудившим спьяну мужикам? Как вы скотину-то умудрились спить?

– Да ягод они пьяных обожрались! Снулка-то зачем-то их в погребе в отдельном жбанчике оставила! Сначала ягоды поклевали, ну а там уже и с нами, с мужиками...

Снулка опять в сердцах сплюнула себе под ноги, наградив благоверного подзатыльником, а я уже не смогла сдержаться, чтобы не расхохотаться: надо же, какой полет фантазии! И кому бы еще пришла в голову такая светлая идея – напоить скотину и птицу вместе с собой, до, пардон, поросячьего визгу!

Уже покидая Верхний Курень, с последнего на околице двора донеслось то, что заставило меня насторожиться, сделав вид, что стрельнуло поясницу. А что? Может же меня вусмерть измотать лечение трех здоровых мужиков, а еще

пьяная птица и скотина! Имею право, чай не первую сотню лет... Каждая целительница делится с пациентом частицей своей жизненной силы, которая после нуждается в восстановлении. Поэтому Йагини, или дарительницы жизни, издревле почитались как простым народом, так и знатью. Конечно, и официальная медицина не стоит на месте. Только по мне, так зря она частенько пренебрегает магическим вмешательством – люди по старинке идут со своими болячками и проблемами охотнее к знахарке, нежели к новомодному амбициозному врачу.

Охнув, я схватилась рукой за поясницу и облокотилась на ближайший плетень – плетень, из-за которого доносились крики, привлёкшие мое внимание. Крики, споры, ссоры в Верхнем Курене или любой другой деревушке и даже в Штольграде, конечно, не что-то этакое, из ряда вон... Но то, что прозвучало в процессе...

– А я все равно пойду! Все равно! И вы меня не остановите! – этот визгливый голос с истеричными нотками, которые говорят о том, что спор ведется уже довольно давно, несомненно, принадлежит Федоре – первой красавице на деревне.

– Ишь, чего удумала, егоза! – а вот это уже бабуля Шарина, древняя, но все еще бойкая старушка.

– А нутка, уймись, пока я тя хворостиной не отходила, – о, а вот и матушка Федоры, Шелена. Собственно, мне все равно, что там еще придумала эта неприятная не только мне,

но и доброй половине Верхнего Куреня, девица, если бы не следующая фраза Шарины:

– Да пропади он пропадом, ентот столичный чародей! Где ж это видано, чтобы девка сама с парнем знакомства искала!

– А я и не ищу знакомства! – восклицала Федора. – Он как увидит меня в новых сапожках да с красными лентами в косах, сам знакомиться подойдет!

– Тьху, дуреха, отцу что ль рассказать, чтобы он тебе вожжами по спине протянул?

– А мне все равно! Но только вы меня не удержите! Столичный чародей должен первой меня увидеть! – взвизгнула Федора.

– Феденька, не позорь нас, – попыталась взмолиться Шелена, видя, что угрозы дочке – что об стенку горох, и, увидев меня у плетня, осеклась.

– Тетя Стефанида, вы?

А кто ж еще, если не «тетя Стефанида».

– Доброго здоровьишка! – приветствую ругающихся женщин, замерших, как по команде. – Что же вас, на всю околицу слышно? А, Федора? – строго добавляю я, – когда представится случай пожурить противную девицу, да так, что она ничего не может сказать мне в ответ: бабу Стефаниду здесь все уважают, а то и боятся!

– Да ты вишь, че удумала-то, Стефанидушка! – ответила за внучку Шарина. – Вознамерилась опозорить и себя, и род свой, и весь Верхний Курень!

– Вот ведь поганка, – присоединилась к матери Шелена. – В Штольград рвется! Уйду, говорит, и вы мне не указ!

– И что, что в Штольград? – делаю вид, что недоумеваю. – Это ж близко, да и нечисть нонче не шалит!

– Да лучше б нечисть шалила! – в сердцах кричит баба Шарина. – Она же не просто в Штольград, а на чародея ока-янного, столичного поглазеть!

– Что, из Стольграда опять чародея прислали? – вздыхаю. – Заняться им тама у себя нечем, бабоньки!

– И не говори, Стефанидушка, – воскликнули в один голос Шарина с Шеленой.

И их можно понять: где чародей – там и целая рота песиглавцев-наемников. Их в заграничных землях то ли троллями кличут, то ли еще как. Насчет троллей этих заграничных не скажу, а более наглого и беспринципного племени, чем песиглавцы, скажу я вам, свет белый ни видывал! И хорошо, если песиглавцы на княжеском обеспечении, а ну как нет? Самое меньшее зло для всех окрестностей – аки птицы, взлетевшие налоги, а оно нам надо?

– Так что, Федора, правда это? На чародея собралась поглядеть? – строго гляжу на капризное, сморщенное от досады лицо девицы. Ей очень неприятен этот разговор, но не ответить старшей Йагине не имеет права. Хе-хе.

– Так ведь Залка сказала, что Мелка слышала, что Туське Выська передала давеча, чародей ентот – молодой да красивый, баб Стефанид, – заныла она. – И он ненадолго в наших

краях! А ну как, когда мне еще шанс представится в Стольград уехать?

– Ты не дури, – напустив на себя грозный вид, важно вещаю. – В Стольград тебя еще никто покамест не звал, правы мамка с бабкой. А здесь тебе еще жить. Что ж люди скажут, коли девка за парнем бежит, знакомства ищет? Это сегодня девки за парнями побегут, а завтра что? Зайцы на лис начнут охотиться? – с удовольствием брюзжу я.

– И то верно, Стефанидушка, может, ты ей ноги зачаруешь, чтоб со двора не сошла? – попросила Шарина. А что, это мысль. Зачаровать Федорке ноги, как корове, чтоб, значит, со двора ни-ни... Изо всех сил сдерживаю улыбку и наставляю вредной девице:

– Сиди дома, девка! Лучше мамке по дому помоги. А ну как, не на чародея, а на песиглавцев нарвешься?

Федора насупилась. О наемниках, неизбежно сопровождающих чародеев на спецзадании, она видать, не подумала. Грозно сверкнув глазами из-под кустистых бровей напоследок, покидаю, наконец, Верхний Курень.

Значит, есть новости, и новости эти не особо утешительные...

***

Отдалившись на безопасное от Верхнего Куреня расстояние, я позволила себе немного расправить плечи. Перед

тем, как идти домой, решила навестить Данину, речушку, названную так еще древними Йагинями, в честь Даны, светлой богини воды. Вода всегда, с самого детства действовала на мой ум волшебным образом. Привыкла, что с каждой проблемой нужно просто посидеть у воды, и решение само находится. Осторожно поставив у редких камышей заплечный мешок с «гостинцами», я перво-наперво прошупала пространство на милю вокруг и удовлетворенно кивнула – чисто, ни души. А если и объявится какой грибник, что маловероятно, время уж к вечеру, обязательно услышу и успею скрыться с глаз долой. Быстро скинула «бабушкин» синий кафтан и платок, оставшись в белой, щедро расшитой цветами сирени, что придает веселый весенний вид, рубашке.

Следом за кафтаном отправился вишневым поясок, и, непосредственно, сама рубашка и исподнее. Вынула из косы косник – розовую кисточку из бисера с завязками: до совершеннолетия мне еще два лета, имею полное право не покрывать голову. Осталась последняя деталь – провела ладонями перед лицом, снимая морок, и взглянула на свое отражение в водах Данины.

На меня смотрит, улыбаясь, обычная русоголовая и зеленоглазая, что совсем не редкость в наших краях, девчонка. Внезапно защекотало пресловутое шестое чувство ощущением чьего-то пристального взгляда. Подняла голову, пригляделась к кустам на другом берегу – может, не дай светлая Макошь, не удалось чисто пространство прошупать? Да вро-

де бы нет, точно нет ни одного человека. Так. А это еще что такое, точнее кто такой?

Из кустов, абсолютно не прячась, на меня пристально смотрит самый настоящий элсмирский волк. Огромный, как чужь знает что! Молодой, по всему видать, не заматерел еще, как совсем уж взрослые особи. Однако отчего так неуютно под его взглядом? Зверь как зверь. Ну да, редкость для наших краев, но и только!

Йагиню в своем лесу ни один зверь не тронет – на то на мне защитный заговор стоит. А что смотрит – так не человек же! Но под взглядом именно этого волка как-то очень неуютно, и даже на миг показалось, что он слишком пристально меня разглядывает... Да ну! Чего не примерещится после трудного дня?

Рыбкой скользнула в воду, погружаясь в благословенную прохладу после удушающего летнего зноя! Ни одно чувство не сравнится с прикосновением прохладной, ласковой воды к обнаженной коже! Нырнула, сделала несколько гребков к дну и всплыла наверх, перевернулась, блаженно раскинувшись на поверхности воды.

– Сеня!

– Защекочем!

– Пришла!

– Плывет!

– Не выпустим!

– Играть!

– Прятаться!

Давние подружки, мавки, обступили плотным кольцом, и как обычно, тараторят все разом.

– Сегодня Сене нужно домой, – объяснила им.

Почему-то мавки не воспринимают слова «я» – они и о себе всегда говорят в третьем лице, и о других. Когда когда-то давно, во время нашего первого с русалками знакомства, попыталась втолковать им, что значит, «я» – безрезультатно. Мавки одинаково тарасили на меня свои огромные, как зеленые блюдца, глазенки с прозрачными зеленоватыми веками и в недоумении оглядывались по сторонам.

– Сеня привела с собой я?

– Где я?

– Спрятала я?!

– Покажи я? – спрашивали. Мама тогда объяснила мне, что мавки привыкли видеть и трогать то, о чем говорят. А мыслеобраз «я» им просто взять неоткуда.

– Не отпустим!

– Защекочем!

– Утопим!

– Защищаем!

Ну, это пустые угрозы – мавки хоть и славятся довольно вредным характером, но с Домом Йагинь у них давняя дружба. Поэтому к угрозам с их стороны я давно привыкла.

– Сеня укусит, – пообещала я им, и в подтверждение своих слов, шелкнула зубами.

Пришлось прийти к компромиссу, и поиграть немного в догонялки с зеленоватыми негодницами. Наплававшись и насмеявшись, вылезла из воды и принялась одеваться. Мавки всей стайкой подплыли к берегу:

– Йожку приведи!

– Мавки Йожку не отпустят!

– Утопят!

– Будут щекотать, пока не состарится!

– Пока не поседеет!

Я улыбнулась. Йожку они из нас больше всех любят.

– Приведу, – пообещала, выныривая головой из рубахи.

Внезапно одна русалка обернулась к противоположному берегу и злобно выкрикнула:

– Щучий сын!

Я недоуменно посмотрела на берег и прислушалась к своим ощущениям. Никого и ничего. Что же ее разозлило? Решила не спрашивать. Противный характер заставит промучить меня как минимум, несколько часов, и опять утянуть в воду, играть.

Помахав на прощание мавкам, отправилась домой.

Итак, я – потомственная Йагиня, Хессения, Сеня.

Внучка Старшей Йагини нашей области, Стефаниды.

Род Йагинь – древний и почитаемый. Издревле по материнской линии в нашей семье передавался дар сохраняющей и дарующей жизнь, целительницы. Мы в дружеских, почти родственных отношениях и с другими Домами целительниц,

знахарок и травниц, которых, как ни печально это сознавать, становится все меньше и меньше в Светлом Княжестве.

И виной тому одно бредовое пророчество, позвучавшее в храме светлого Дажьбога вот уже почти три столетия назад.

Именно тогда однажды одна по всему виду, экзальтированная прорицательница светлого храма, исторгла из своего явно скудного, но наделенного богатой фантазией ума, пророчество: что в один прекрасный день юная, невинная дева с даром исцелять спасет Светлое Княжество от гнета Темного Князя, или, как принято говорить по ту сторону границ, Рыцаря. Собственно, особого гнета со стороны темных ни тогда, ни сейчас не ощущалось, ну если только где на границе...

Но девица утверждала, что юной целительнице по силам окажется навсегда лишит Темного княже власти и склонить колени перед светом!

Видимо, земельный передел и оказался решающим аргументом в пользу развязывания полувоенных действий в адрес темных. И, к слову сказать, целительницам после этого треклятого пророчества прямо-таки житья не стало!

Нет, официально наш светлый правитель Гартман Наднино Дино Нандо Третий выступить против темных не мог, как и его предшественники: все-таки мирный договор, подписанный много веков назад, нейтралитет, соблюдаемый, ну ладно, почти соблюдаемый обеими сторонами.

А также студенты Светлой Академии Ковена Магов и

Университета Темных Сил, ездящие туда-сюда по обмену, для конвертирования, так сказать, бесценного опыта. Сотрудничество светлых и темных магов, опять-таки, и притом сотрудничество весьма плодотворное: особо провинившиеся преступники со светлой половины предоставлялись для исследований и опытов темным колдунам и некромантам, которые в свою очередь, таким же образом, помогали своим светлым коллегам. Идиллия, одним словом.

Однако вышеупомянутое пророчество не дает спокойно спать уже шестому по счету правителю Светлого княжества – слишком жирным, видать, кажется им вожденный кусок! Земли темных, вопреки расхожим мнениям, вовсе не так уж бесплодны и каменисты, как принято их представлять в песнях бродячих менестрелей: напротив, они довольно плодородны и живописны, и уже шестой по счету светлый князь спит и видит, как присовокупит к своей территории темные земли, расширившись на весь Континент.

Так вот, открыто против темных светлые не выступают – политика. Но как правитель, даже при всем своем искреннем желании сможет противостоять пророчеству светлого храма, скажите мне? Если сказано, что юная светлая целительница способна поставить на колени Темного князя перед светом, то так тому и быть! Вот уже почти три сотни лет за целительницами ведется самая настоящая охота. Причем, логичным было бы, если бы юных дев с даром магии жизни истребляла бы темная сторона, и вроде как даже отмечены подобные

случаи...

Но я, как представительница данного лагеря, смело могу заявить: юные Знахарки, Травницы, Берегини и Йагини пропадают исключительно по вине своих же, то есть светлых сил.

Но мудрая богиня Макошь позаботилась о нас: дар целительства столь редко проявляется в юном возрасте, что проще найти посреди зимы подснежники, чем светлую целительницу – неважно, Йагиню, Знахарку или Травницу, в которой дар проснулся раньше срока. Зачастую целительская сила начинает течь через потомственную волшебницу после того, как она родит дитенка-двух, а то и вовсе дождется внуков. Продолжительность жизни у нас ого-го какая!

Но, согласитесь, дева с дитем на руках уже и не дева вовсе, а потому и под пророчество не подходит. Однако изредка накладки встречаются даже и у самой Матери Сырой Земли. И нет-нет, да и просыпается дар исцелять в какой-то из нас, кто не надел еще ревун, или плачею. (* Головной убор, надеваемый девушкой, идущей под венец. Здесь и далее прим. авт.) И светлейшество наше видимо, не собирается сдаваться – и по всей империи тут и там рыщут его шпионы, разыскивают юных светлых волшебниц, чтобы отправить их на верную погибель – неравное сражение с Темным князем. Мол, девке самой такая дурость в голову пришла, причем здесь монарх-то?

И, по нелепому стечению обстоятельств, у меня, Хессе-

нии, внучки Старшей Йагини, и обнаружился целительский дар раньше срока.

Бабули считают, что нельзя пренебрегать ничем, что посылают нам боги – и поэтому я начала лечить сразу же после пробуждения дара. Под личиной бабуль, вместо них хожу по деревням, станицам, и даже в Штольград зовут. Сначала робела, сердце сжималось от страха, пот прошибал – все боялась не соответствовать бабулиным реноме. Но потом потихоньку, полегоньку, и дело пошло. И почувствовав текущую по рукам целительскую силу, увидев результаты своих трудов, я поняла, что это – и только это и есть то, чем я хочу заниматься в жизни!

Обидно, конечно, что мне нельзя получить должного образования в Светлой Академии при Ковене Ведунов – приходится прятаться. Прорицательницы там, боевые чародейки, стихийные маги, инферналы, символисты и даже некроманты – добро пожаловать! Не в Светлую Академию, так в Темный Университет, а всем, кто несет в себе целительную силу – нельзя! Тут же отправят с Темным князем воевать, и пикнуть не успеешь. Если, конечно, все по правилам – девица мол, не замужем и не была, юна и свежа, как первый весенний бутон.

ТЬфу, даже противно! Вот где справедливость?

И учат меня бабули – Стефанида и Раифа, ее двоюродная сестра, дома, в лесу, и опыт свой бесценный передают, конечно. Но домашнее образование – оно и есть домашнее об-

разование. Даже поговору это слышно, по речи то есть. Вроде и нахваталась от бабок городских, утонченных да и просто иностранных словечек, а применить их некуда. Практики нет. Вот бабули – оно другое дело – по щелчку пальцев могут изъясняться на любом диалекте, любой местности континента. А у меня только изредка слово какое умное и проскочит, из чего можно сделать вывод, что не совсем уж глухая деревня! Время от времени, дурачимся дома с детишками и устраиваем хаэльские или малоиссийские вечера изящной речи – сплошные бьен сюр, аре вуар да извольте-с, пожалуйста-с. Домашнее образование, повторяюсь – оно и есть домашнее образование. Хотя в чем-чем, а в искусстве целительства бабки спуску не дают.

Однако хотелось бы несколько *иной* практики, нежели пьяные селяне да битые мужьями селянки Куреней, Погребцов, Выселок...

– Ничего, – говорит баба Раифа. – В возраст войдешь, приглянется кто, замуж выйдешь, ребетенка родишь, и можно будет дальше учиться.

– Только вот что за учеба уже с дитем на руках да при муже? – вздыхает баба Стефанида. – А ну как хозяин против женки-студентки будет?

И Раифа тоже вздыхает, соглашается с сестрой, и мне ничего не остается, как тоже вздыхать. За компанию. Потому что учиться – оно очень хочется. А вот замуж – совсем пока нет.

Да и попробуй, встретить еще такого, чтоб не супротив был, что и дома-то толком не бываю – все по недужным бегаю, и ведь среди ночи выдернуть могут, ежели помочь надо, да еще и дальше учиться хочу! Ну кому я такая нужна, кроме бабуль, да меньших моих – братишки и сестренки, да родителей, что в Дарнийском графстве обосновались с магической посольской миссией, в том самом, где испокон веков оборотни Светлой Стороны во главе династии?

Герцогов тамошних по-иному «Дарнийскими оборотнями» зовут. А правят, по словам очевидцев, они куда как хорошо, не хулиганят, как некоторые пресветлые князья, но о том даже говорить – тьфу, противно! Маменька с папенькой довольны службой – знай только почтовых жуток шлют.

Семейка у нас собралась – как на подбор!

Кроме нас с бабулями ожидают родителей из их походов два малолетних неслуха – братец мой Никодем, Никодемка, да сестрица Йогана, Йожка. Вот уж от кого ни днем, ни ночью покоя нет! Магически обделенных в нашей семье сроду не было. Но Йожке, в отличие от меня повезло, миловала ее Мать Сыра Земля от дара целительства. И вот Демка спит и грезит, как станет настоящим боевым чародеем, а Йожка мечтает стать некроманткой. Да, да, в роду Йагинь подрастает маленькая владычица смерти. Рано им пока в Светлую Академию, или Темный Университет, малы еще. Скорей бы школа началась, ведь проказы двух малолетних йагинов не так-то и легко вынести.

Вчера за ужином сестренка подняла, не к столу будет сказано, из мертвых, жареную индейку. Чем надо сказать до смерти перепугала Хозяечку, подругу Хозяйчика, нашего домового. Коего развеселила этим глупым поступком! Или все-таки это была такая толстая курица? Попробовать-то и не довелось! Пернатая, видимо, при жизни была очень злобной птичкой: повертев жареной шейкой с хрустящей корочкой без головы из стороны в сторону, кура на своих культяпках броситься решила именно на меня, оно и понятно! И все бы ничего, как-нибудь с жареной птичкой я бы справилась, но братишка решил мне помочь и метнул в цыпу нормальным таким огнейком, который не просто убил второй раз наш предполагаемый ужин, а прожег здоровую такую дыру в стене!

Об обгорелой скатерти с жирными куриными следами, перебитой в процессе посуде и парочке сгоревших за компанию деревянных ложек я вообще молчу.

И кому досталось от бабуль, которые как раз входили в горницу – одна с миской с салатом в руках, другая со жбанчиком молока «для милых малышей»? Конечно же, мне! Не доглядела за младшими, не пресекла.

Пресечешь тут! А я всего-то и сказала Йожке и Демке, что маловаты они пока для боевого чародейства и некромантии. Вот они и показали. Ну да этот спор у нас уже долго длится. Как бы чего опять ни удумали, чтобы и сегодня мне продемонстрировать свою готовность к «серьезным вещам».

Глава 2

Сказ иной, второй. Сказка

Родной домик встретил как всегда мирным, уютным ощущением Дома. Расположилась наша добротная, двухэтажная изба в одном из самых живописных мест леса! Сейчас, посреди лета, дом Йагинь просто утопает в зелени. Тысячи тонких, летних ароматов витают в воздухе, откуда-то доносится смех неугомонной парочки, не иначе как двойняшки опять затевают какую забаву, а то и очередную каверзу.

– Что-то ты долго, Сеня, – нахмурила брови баба Стефа, и баба Рая с ней совершенно солидарна.

– Я к реке ходила, – ответила я.

– Подумать? – понимающе кивнула бабуля, от которой ничего не утаишь – захочешь вот скрыть, и не скроешь.

– Ты почто Федорку-то отчитывала, да еще и от моего имени? – нахмурила брови бабуля Стефанида, но глаза ее озорно сверкают поверх окуляров.

– А ты сама бы как поступила, бабуля? – вопросом на вопрос ответила я, тоже сдерживая усмешку. – Опасно девкам одним ходить сейчас. А за парнями скакать – тем паче. А ну как на песиглавца нарвутся?

– Вот-вот, – заметила Раифа, откладывая вязание. – Кому стоит охальников-песиглавцев опасаться, а кому и заезжих

княжеских чародеев!

– Но может, у него в Штольграде какое... иное поручение от князя? – пробормотала я, но без уверенности в голосе.

Все же не хочется верить, что на кого-то из моих сестер, а то и на меня саму, ведется охота. Впрочем, это вряд ли. Я итак осторожна, что тот упырь на промысле, прям дальше некуда. И сестры по волшебству тоже, которые из других Домов, мы-то это точно знаем.

– Непокойно мне, Сенюшка, – пробормотала бабуля. – Посидеть бы тебе дома пока...

– Бабуль, у Аньшаны срок вот-вот подойдет... Жду вот, что ночью позовут.

– Сама пойду. А ежели еще чего, Рая ходит. Вроде бы этот чародей здесь ненадолго.

– А может, он и вовсе не за целительницей? Может по другому какому делу?

– Оно конечно и может, Сеня, но осторожность не помещает, – бабуля сказала, как отрезала.

Баба Рая задумчиво добавила:

– И песиглавцев пока никто среди окрестных весок не видел. Иное дело в Штольграде. Может, правда – в одиночку и проездом. По крайней мере, нам всем спокойней именно так думать. Письма-то с просьбой пригласить в Дом – пока не присылал. А Стеня права – посиди-ка, деточка, дома. Заодно и за детьми приглядишь.

– Да разве за ними приглядишь? – засмеялась я. – За ними

не то что, не приглядишь, ведь *не углядишь* же! Да и взрослые они уже совсем, в школу скоро пойдут. Все вместе и вздохнем спокойно.

И я озорно подмигнула бабкам.

Но Стефанида еще больше нахмурила брови, а Раифа отвела взгляд и поджала губы. Что-то тут не ладно. Чего-то бабули мне не договаривают. Не дай бог, с родителями что!

– Бабулечки, с папой, с мамой чего-нибудь? – с замиранием сердца спросила я.

– Еще чего! – недоуменно проворчала Стефанида, и Раифа поддержала сестру:

– Чтобы что-то стряслось с потомственной Йагиной, да при муже-стихийнике! Сейчас же!

– Сидят они, как пить дать, в своем Дарнийском герцогстве при тамошнем наместнике со своей посольской миссией. Мамка твоя с детства путешествовать любит!

– А папка и рад женку побаловать, даром что у стихийника вся жисть-то в походах!

– Так, бабулечки... – недоуменно пробормотала я, понимая, что главное сейчас – не дать сбить себя с толку.

Слишком уж бойко бабки принялись стрекотать о дочке с зятем, подозрительно.

– Если с мамой и папой все в порядке, значит, речь обо мне или о мелких? – прямо спросила я и непроизвольно перевела взгляд на окно, из-за которого доносятся возмущенные вопли, причем вопит по большей части Демка.

Йожка никогда не упустит шанса воспользоваться своим статусом младшей сестренки и извечной женской хитростью для организации очередной каверзы, куда она постоянно втягивает Никодема. Как ей это удастся, никто не знает, но со стороны Дема всегда крайний. Вот только самым близким очевидно: руководит озорством именно маленькая, беленькая девочка с кучеряшками, как у ангела и голубыми глазками-блюдцами. А вот под раздачу почему-то чаще всего попадает Никодем: тоже похожий на ангелочка малыш с голубыми, как у сестры глазами и очаровательными ямочками пухлых щечках.

Интересно, что они удумали на этот раз?

Надеюсь, не притащат опять на участок улей, предварительно зачаровав сонным заклинанием пчел? Считают малыши пока не очень споро, им что две хвилины, что двадцать две... В прошлый раз времени на сон пчелкам хватило как раз до того, как эта мелочь пузатая сволокла улей до горницы... Хотя, что-то это я отвлеклась, вон у бабулек глазки-то забегали!

Старушки переглянулись, и теперь уже обе синхронно нахмурили брови и поджали губы. Баба Рая подняла руку и щелкнула в воздухе пальцами. Ого, заговор неслышимости, видать, разговор предстоит серьезный!

– От Йагини ничего не скроешь, – пробормотала себе под нос баба Стефа.

– Совсем взрослая девка стала, – кивнула баба Рая.

– Заневестилаась...

– Вон кака красавица выросла!

– Глаз не отвесть! – с энтузиазмом подхватила Стефанида.

Но меня, повторяю, не так просто с толку сбить. Я же вижу, бабули волнуются, специально мне зубы заговаривают. Да что такое-то? То, что мне дома посидеть придется, пока княжеский чародей, будь он неладен, по окрестностям шагает, так не впервой же! Видать кто-то из Травниц или из других наших сестер красавку прислал, предупредил. И что ж тут такого?

– Бабули! – добавляю грозности в тон, – Давайте ближе к делу. И переставайте строить из себя обычных деревенских знахарок. Темных и дремучих. Как будто я не знаю, что ты, баба Стефанида, с отличием окончила Светлую Академию, и по сей день являешься одной из самых почитаемых ведущих обеих империй! И за плечами у тебя не одна защищенная диссертация! А ты, баба Раифа, – я намеренно называю бабуль полными именами, чтоб, значит, показать, как я серьезно настроена, – настоящая гордость Темного Университета, можно сказать, легенда! Светлая ведьма, имя которой вписано в историю двух империй, как той, что остановила Смутную Войну, выдворив племя василисков прочь с лица Матери Сырой Земли!

Бабули опять переглянулись и одинаково цыкнули сквозь зубы, мол, не удалось заговорить тебе зубы, внучка, но попробовать-то стоило!

Сердито гляжу на них исподлобья, скрестив на груди руки.

– Сеня, – обычным своим тоном преподавательницы Светлой Академии с таким стажем, что лучше вслух не говорить, ибо редко столько живут, баба Стефанида решилась-таки на серьезный разговор, но тут же замолчала, вопросительно и с надеждой посмотрев на сестру.

Ну что ж, начну сама:

– Этот кипиш в нашей семейке из-за чародея? Из-за того, мол, что опасно и тэдэ и тэпэ? Так отсижусь прекрасно здесь, решили уже! Могу и под личиной юродивой... Хотя меня ж везде тут знают, ну так под полуюродивой – эдакой дурочки, которая мало того, что туповата от природы, так и сопли рукавом вытирает. Впервой что ли?

– Да при чем тут этот твой треклятый чародей! – Раифа не выдержала первой. – Мы о детях хотели с тобой поговорить!

Вот это новость! А что с детьми?

– О мелких?! – воскликнула я, чувствуя себя совершенно сбитой с толку.

– Мы и правда хотели поговорить с тобой о малышах, – наконец, решившись и кивнув своим мыслям, решила и баба Стефа.

– А что с ними?

– С ними-то все в порядке... Растут детишки, как на дрожжах.

– И дар их растет, – добавляет баба Рая. – Чай, и сама

замечала и не раз!

– Да в последнее время просто сладу с ними нет, – вздохнула я. – Ну ничего, скоро школа, отдохнем маленько.

– О-хо-хо, грехи наши тяжкие, – забыв уже о том, что только что она говорила со мной и сестрой строгим, профессорским тоном, с веками отработанными четкими интонациями, баба Стефа тяжело приподнялась со скамьи и подошла к окну, наблюдая за поливающими друг друга из шланга, и визжащими как поросята, детьми.

– Очень уж мощный дар у обоих, да с самого сызмальства ведь открылся, – закончила за сестру Раифа.

– И что, что мощный, и что, что с детства? – я совершенно не понимаю бабок.

С какой стати Дому Йагинь печалиться по поводу сильного волшебного дара потомственных ведунов?

Любому ясно, как светлый день, тому, что пробудился дар еще в раннем детстве и только крепчает с каждым годом, радоваться надо! Единственной причиной для нашего родственного беспокойства могло бы быть то, что Йагиня Йожка унаследовала бы раньше времени открывшийся дар целительницы! Но нет, маленькая ведьма тяготеет к костям, могилам и черным обрядам... Я бы и дальше недоумевала, если бы баба Рая не припечатала меня следующей фразой прямо к стулу:

– Сеня, у Йожки пробудился целительский дар.

– Как – целительский?! – возопила я, порадовавшись про-

зорливости бабуль, а точнее, заклинанию тишины. Потому что недоумеваю – это мягко сказано.

Я бестолково захлопала глазами и начала открывать и закрывать рот, переводя взгляд с одной бабки на другую.

– Вот так, – кивает Стефанида.

– Она же у нас владычица смерти?

– А вот, не только, внучка.

– Йогана у нас семейный феномен, – добавила баба Стефа.

Редко, очень редко, рождается маг, обладающий двумя бесценными дарами. Да что там редко – насколько помню бабулины уроки истории... Такого не случилось лет так шесть сотен в Светлой империи, а в роду Йагинь и того больше. Йожка и Демка у нас итак исключения: среди Йагинь по большей части рождаются целители и целительницы, а тут мало того, что некромантка, так еще и с целительским даром... Есть от чего головой поплыть.

– А Дема? Они ж близнецы! – осенило меня.

– Не близнецы, а двойняшки, – спокойно поправила баба Рая, и подумала вслух: – Впрочем, с Никодемом пока не все ясно... Сама знаешь, мальчики развиваются медленнее девочек. Но может так статься, что дар целителя пробудится и у него!

Да уж! Эти боевой маг и некромантка однозначно войдут в историю! Прямо гордость разбирает за таких феноменальных братишку и сестренку!

– Ой! Бабули! – вырвалось у меня. – Йожка! Ведь нельзя,

чтобы о ней узнали в империи!

– Вот тебе и «ой»! – согласились бабули, одинаково кивая и одинаково хмуря брови.

– Ей теперь и в школу нельзя, понимаешь? – спросила баба Рая. – А ну как о даре целительницы проведуют?

– В деревенской школе? Это вряд ли!

– В деревенской – пожалуй, да, – согласились бабули, снова одновременно, и снова что-то в их тоне заставило меня насторожиться.

– Только сегодня Йожка с утра своими планами поделилась: они с Никодемом собираются вместе в Штольград учиться. А после того, как закончат школу экстерном – в Стольград, – пояснила баба Раифа.

В Штольград – это да. Это опасно. Это не в нашей глуши. Не дай боги, ее там кто из магов заметит. А заметят, как пить дать, заметят. Мала Йожка еще, чтобы силу свою контролировать. Вспомнить хотя бы вчерашнюю курицу. Или все-таки это была индейка? Баба Стефа, как будто прочитав мои мысли, добила:

– Одно такое выступление в Штольграде, и не дай Макошь... А если Йожка не только поднимет какой обед, да заодно и подлечит его – больше мы ее не увидим...

– Значит, пусть сидят дома оба! Хотя бы год еще. А там что-нибудь придумаем!

– По крайней мере, пока княжеский чародей поблизости, им точно не стоит высовываться.

– И тебе тоже, внучка, – добавила баба Рая.

***

Ужин прошел в тихой, семейной обстановке.

А что Йожка до полусмерти напугала кота Маркиза ожившим чучелом белой крысы с красными бусинками вместо глаз – так нечего было засыпать на полу, сам виноват, чай не первый день в доме лесных ведуний живет.

Да и Демка сегодня радовал: всего лишь только заговорил столовый нож, который после того вообразил себя не меньше, чем Мечом Света и начал задирать нос перед другими столовыми приборами. Да только заговор этот сложный – самой удивительно, как он у братишки получился вообще. Но потом, к радости домовых, сам развеялся.

Мы с бабулями, пожалуй, были подозрительно веселы, но детям, судя по всему, было не до нас. Бабули сказали, что сестренка пока не подозревает о пробудившемся даре целительницы, она еще не так опытна, чтобы различать разную природу своих потоков силы, но от зорких бабкиных глаз это укрыться не могло. Да и я, пристально взглядевшись в ауру Йожки волшебным, истинным зрением, увидела среди множества оттенков стального серого редкие красные, похожие на капельки крови, отливающие всеми оттенками алого, переливы. Точно, растет будущая целительница-некромантка.

Ничего, нам главное сейчас княжескому чародею на глаза

раньше времени не попасться, да отвод глаз на ее ауру поставить, а там, будем надеяться, ребенок научится маскироваться самостоятельно. Тому, что ребята в школу не пойдут, никто из соседей не удивится: любой чародейский Дом имеет право на домашнее образование отпрысков.

К слову, я в школу ходила только несколько последних классов – и то, в основном на экзамены, которые для меня были точно семечки. Спасибо вбитому бабками чуть ли не в буквальном смысле в голову сызмальства заклинанию запоминания: теперь достаточно один раз прочитать необходимый материал – и вот уже я никогда его не забуду.

Речь, конечно, идет о простейшем материале, в который входит программа, что нашей сельской школы, что школы в Штольграде.

С заговорами оно сложнее: тут мало просто запомнить, – надо понять, впитать в себя, и даже несколько раз пропустить через себя волшебную энергию, а еще постоянно нарабатывать опыт в плетении заклинаний и прочее. Самая сложная пока для меня – волшба рун, потому что ни одна руна не отражает процесс, только явление, чего мой ум понять никак не способен.

Отужинав, баба Стефа прилегла отдохнуть, видимо, не подводит меня внутреннее чутье – действительно, ночью позовут к Аньшанке.

Впрочем, я даже немного благодарна за это столичному чародею: роды принимать каждый раз робею – и не потому,

что сама девица – чай, насмотрелась и на кобылиц и жеребцов, и на домашнюю скотину... Первые в своей практике роды я принимала у коровы Маньки в Нижних Выселках. Тогда, правда, случился парадокс – корова отелилась близнецами, и бабки, конечно, прекрасно знали заранее о сложном случае – все равно отправили меня в одиночку, не сомневаясь в том, что справлюсь.

И справилась! Глядя на эти несоразмерные тела на длинных ножках и умильным выражением на мордочках, заглянув в полные благодарности глаза Маньки, я впервые, можно сказать почувствовала свою сопричастность к магии жизни – к целительству.

Одно дело вправлять вывихи, лечить ожоги, избавлять от похмелья и заговаривать больные зубы, и совсем другое – увидеть, как жизнь, которая только что была одна – раздваивается, а то и расстраивается. И при этом ее не становится ни больше, ни меньше! Одна и та же Жизнь смотрит на меня глазами благодарной мамыши и удивленными глазенками новорожденных чад!

С тех пор я стала видеть нечто большее в глазах каждого человека, каждого встречного существа. С еще большим трепетом стала относиться ко всему живому, и еще лучше поняла своих бабуль – как они, каждая по своему национальная героиня, не пожелали для себя роскоши большого города и дивных дальних стран за океаном, а предпочли тихую, размеренную жизнь в качестве обычных деревенских цели-

тельниц.

Для ведуньи нет разницы, кто перед тобой – его светлейшее князь, или обычный деревенский мужик, чистокровный жеребец или трехцветная мурка – из каждого глаз смотрит на мир сама Жизнь! Сама Жизнь смотрит на себя же саму, любит себя собой, а бывает и остается недовольной... Чудны дела твои, дивная Макошь!

Я помню, что тогда, первый раз, оставшись наедине с Манькой, в хлеву, делала все совершенно правильно, сама удивляясь тому, что действия мои, которые имели место первый раз, каким-то чудом как будто доведены до автоматизма.

Я как будто наблюдала за тем, что сама же делаю, из-за своего плеча, удивляясь тому, что ни разу даже не замешкалась. С тех пор я принимала роды еще несколько раз – и не только у животных. Заглянув в мои глаза утром, когда вернулась домой, усталая, как песиглавец знает что, но счастливая, бабули довольно переглянулись и сказали, что я готова помогать людям.

Но все же есть во мне какая-то неуверенность в себе, в своих силах. Заглянув по-настоящему в глаза Самой Жизни, возвращаясь к этому в мыслях, я всегда робею, боюсь сплеховать, подвести Ее. Бабули смеются, говорят, что это пройдет, а мне все же каждый раз немного боязно, когда иду к роженице.

– Сееень...

– Ну Сееень...

Из раздумий вывели меня эти маленькие разбойники, такие загадочные и неожиданно молчаливые весь вечер.

– Расскажи сказку! – попросила Йожка, преданно заглядывая в глаза.

– Про несокрушимого воина Гектора! – вторит ей братик.

– Нет, лучше про прекрасную деву Изколиону, со снопом льна вместо волос! – не согласилась сестренка.

Сколько раз повторять – не со снопом льна вместо волос, а с кудрями белыми, подобными льну во время уборки, что стоит, подвязанный в снопах, радуется глаз мягкостью да чистотой!

Несмотря на усталость из-за полного не всегда приятных новостей дня, я поняла, что очень соскучилась по этой парочке.

– Хорошо, будет вам сказка, – и, пресекая радостные вопли, коварно добавила: – Кто раньше закончит с уборкой стола и мытьем посуды, тот и заказывает сказку!

Конечно, не очень педагогично эксплуатировать детский труд, но с другой стороны, кому сейчас легко. Вдобавок направить энергию двойняшек в мирное русло – это, скажу я вам... просто песня.

Детей словно ветром сдуло, и кто только что жаловался на то, что облопался так, что уже никогда на свете не сможет пошевелиться? Однако справились детишки достаточно быстро, и втроем мы проследовали в сад. Здесь, развалившись на одеяле, на свежем воздухе, под стрекот цикад, сверчков и

щебет вечерних птиц, двойняшки прижались ко мне с двух сторон и приготовились слушать сказку.

– Так кто командует? Какую сказку слушаем? – поинтересовалась я.

– Не знаем, – в один голос протянули дети.

– Мы одновременно закончили, – радостно сообщила Йожка.

– Значит, ничья! – добавил Дема

– Ну, раз ничья, то сказку выбираю я! – коварно подытожила я. – Пока вы не повздорили.

– Только выбирай такую, чтобы она была о несокрушимом воине! – выказал пожелание Никодем.

– И о прекрасной принцессе! – поддержала брата Йожка.

Хм. Задача. Но бытность старшей ведуньи располагает к умению рассказывать сказки, несомненно, поучительного характера, а иначе смысл в них, в сказках?!, – при том в полной мере угождая обоим заказчикам. Сейчас что братишка, что сестренка, просто соскучились за день, и им жизненно необходимо внимание, любовь, и забота, чуточку приправленная волшебством.

И сказка началась.

– Ну, принцесса наша была действительно прекрасная, – начала я. – Но, правда, не все знали, что она принцесса.

– А оно и к лучшему! – перебила меня Йожка, – Так и проще – ходи куда хочешь, делай что хочешь! И никто тебе в спину не шепчет: «Принцесса пошла!»

– Ешь, что хочешь! – включился в игру Демка. – Хотя килограмм конфет, хоть два! И никто не скажет, что принцесса – обжора!

Но тут, видимо, он вспомнил, что он-то, собственно, ожидает другого героя, и решил уточнить:

– А воин там был? Или тоже никто не был в курсе, что он – воин? Так это тогда тьфу – и растереть, а не воин!

Йожка перегнулась через меня и наградила брата вполне ощутимым тычком:

– Да погоди ты, тут еще с принцессой не все понятно! – заявила она.

Тычок не заставил ждать отдачи. Подняв руки, я решительно пресекла начинающийся бой:

– Так, милые малыши! Или слушаем, или устраиваем битву титанов! Если второе, то без меня!

– Слушаем! Слушаем! – ответили мне в один голос.

– Только не называй нас больше милыми малышами! – попросил Демка.

– Ты на принцессе закончила, – решила помочь мне Йожка, мало ли, действительно, я забыла. Память-то уже не та...

– На принцессе. Так значит, не только мало кто догадывался о том, что это была принцесса, прямо скажем, никто, кроме самой принцессы не знал, что она принцесса.

– А разве так бывает? – спросил Демка, которому, видимо, надоело слушать про принцессу и он хотел быстрее про «несокрушимого воина».

– Бывает и не такое, – уверенно кивнула я братику и продолжила, – Значит, жила эта принцесса как самая обычная девочка. Да и с виду она была самой обычной девочкой.

– Ух ты, самой обычной! – восхитилась захватывающим сюжетом потомственная Йагиня.

– И пошла как-то эта самая принцесса в темный лес!

– А что она надела? – спросила Йожка, а Демка заерзал. Разговоры о «тряпках», как он по-мужски выражался, могли затянуться надолго, знал по горькому опыту, – И как принцессу звали?

– Звали принцессу, – я задумалась, – Анисья, а одета она было в тот день...

– Фу, не могли звать принцессу Анисья! – осталась недовольной сестренка. – Разве это имя для принцессы! Принцессу должны были звать как минимум, Альбина!

– Но ведь никто не знал, что она принцесса! – напомнила я Йожке.

– Эх! – махнул рукой в ее сторону Никодем. Мол, что с нее взять, и Йожка притихла. Как же она могла забыть!

– Значит, надела Анисья в лес, – я скосила глаза на сестренку, – нарядное красное платье в рюшах, ведь все-таки она была принцесса!

Йожка довольно кивнула.

– Ну, пусть тогда хоть колготки теплые наденет! Комары ж загрызут! – попросил сердобольный Демка.

– Но теплые же некрасиво, особенно с нарядным пла-

тьем! – не согласилась с ним двойняшка.

– Тогда пусть двое колгот натягивает, красивых, или вообще дома сидит! – не поддался брат.

– Анисья надела красивые, но плотные колготки и удобные башмачки, – постаралась я угодить обоим.

– Ну и слава Дажьбогу, давай теперь о рыцаре! – вздохнул с облегчением Никодем.

– О рыцаре или о воине?

– Да все равно! Главное, чтоб мужик настоящий был, – милостиво разрешил братик.

– Тогда это будет отважный рыцарь, но...

– Наверно, никто не догадывался, что он отважный рыцарь, да? – поинтересовался брат.

– Да, – согласилась я. – Но совсем по другой причине!

– Наверно, его заколдовала злая ведьма! – решил Никодем.

– Почему сразу злая ведьма! Пусть это будет злой колдун! – не согласилась Йожка.

– Давайте они как будто работают в паре, – предложила я. – Ведьма и колдун, злые-презлые!

– А почему они были злые-презлые? – подозрительно хлопнула носом Йожка. – Их кто-то обидел? Как того коня кузнеца, на которого наехала телега, в то время как он защищал упавшую с него кузнецову дочку?

– Да, конь тогда был очень злой, никого к себе не подпускал, грозил затоптать, пока бабу Раю не позвали. Ему было

очень страшно и больно, – Демку даже передернуло от воспоминаний.

Действительно, мерина тогда сильно покалечило, практически полностью содрав кожу с морды и правого бока. Чудом он не переломал ноги. Хорошо, за бабой Раей сразу послали. Она быстро успокоила мятущееся животное, и наложила исцеляющие заговоры.

– А после того, как баба Рая его вылечила, он опять стал добрым! – заявила Йожка то, что все итак знали. – А наши колдун с колдуньей выздровеют в конце сказки?

– Не выздровеют, а выздоровеют, – поправила я на автомате, и поспешила обрадовать сестренку: – Обязательно! Собственно, этот рыцарь... Был их сын!

– Они заколдовали собственного сына! – ахнула потрясенная Йожка, а Демка засопел. Он считал, что не пристало ему проявлять эмоции, тем более при двух сестрах, находящихся под его опекой. А то, что одна из них на десяток лет старше, право, никогда его не смущало.

– Наверно, он отказался участвовать в каких-то ихних темных делишках, – сделал глубокомысленный вывод Никодем. – Я же сразу сказал, что рыцарь этот – настоящий мужик!

– Не ихних, а их.

– Сеня, а разве правильно это – не слушать родителей? – решила все-таки уточнить сестренка.

– Главное – слушать свою совесть, – улыбнулась я ей. –

Если слышишь ее хорошо, также хорошо, как свое сердце, то никогда не ошибешься!

– Получается, что родители рыцаря плохо ее слушали?

– Но родители его были очень несчастные люди, мы же решили, – напомнила я.

– Не люди, а колдун и колдунья, – напомнили уже мне.

– Точно.

– Так значит они превратили собственного сына... В волка? – решил Никодем.

– А почему в волка?

– Потому что волк – благородное животное! – восхитилась выдумкой брата Йожка.

– Дикое и неуправляемое, – важно кивнул Демка. – Ни с руки не ест, ни на ярмарке не выступает!

– Но иногда он возит на спине сказочных принцесс! – посчитала нужным заметить Йожка.

– Ну, сказочных – можно, – добродушно согласился братик.

– И что было дальше, с Анисьей и зачарованным волком? – решила вернуть нас к сюжету сказки сестра.

– Известно, что! – заявил Никодем, – Волк спас твою прекрасную принцессу, и она влюбилась в него без оглядки, и хоть в планы его женитьба пока не входила, но что ж с ней поделаешь...

– А вот и не так все было! – перебила брата Йожка. – Может, это она спасла его из капкана! И он в нее влюбился, а

она, как и следует настоящей красавице, была холодна?

Я удивленно смотрю на сестренку. Вот как, оказываются, ведут себя настоящие красавицы.

– И ничего не холодные красавицы! – не согласился с ней Никодем.

– Ага, в любой сказке – про Спящую Царевну, про Белоснежку, про Василису Премудрую и Елену Прекрасную, – начала перечислять любимых героинь Йожка. – Во всех герой долго добивается свою возлюбленную.

– Да ерунда это! – не согласился с ней брат. – Герой обычно совершает подвиги, участвует в смертельных сражениях, а принцесса эта ему достается постольку поскольку, в качестве довеска к полцарству, например.

Я не выдержала и расхохоталась.

– Да уж, повезло твоей принцессе, ничего не скажешь, когда станешь постарше, – заметила я и потрепала брата по макушке.

– А оно мне надо? – презрительно спросил Демка, важно скрестив руки на груди. – Боевому чародею принцесса – только обуза!

– Сеня, – решила напомнить о цели наших полежанок Йожка. – Так как там было у Анисьи и волка? Кто кого спас?

– А давайте – они спасли друг друга, чтобы никому не обидно было, – решила я примирить два лагеря.

– А темные колдуны увидели такой героизм и устыдились своего дурного поведения! – решил подвести итог Демка.

– Увидели неземную любовь и их сердца исцелились от умиления, – не согласилась с ним начинающая некромантка.

– И любовь, и героизм, и отвагу, – засмеялась я.

– И честь! – в один голос добавили довольные двойняшки.

– Ну что, братишка-сестренка, пора спать?

– Не-е-ет...

– Да! – отрезала я, потому что в таких вопросах надо быть непреклонной. – Вам надо сил набираться перед новым озорством, а мне, – и тут я вспомнила, что завтра у меня внезапно нарисовался выходной, спасибо заезжему чародею, – а мне надо подготовиться к нашим завтрашним урокам!

– Каким еще урокам? – возмутился Никодем.

– Завтра я покажу вам, как ставить на себя зеркальные символы, – пообещала я. – И, может быть, символы невидимости.

Раз так, то совсем другое дело! Когда мои любимые карапузы отказывались от уроков волшебства?

– Ого!

– Здорово!

– Но сначала арифметика и чистописание, – безапелляционно заявила я и будущие боевой чародей с некроманткой приуныли.

– А если ошибетесь в расчетах? Или неясно пропишите символы? Или, не дай Коляда, руны? Что тогда? Хотите, чтобы у вас загорелись волосы и волна ветра подхватила вас и отнесла прямо в Стольград?

Двойняшки одинаково замотали головами.

– Тогда – спать и набираться сил!

Если бы я только знала тогда, что не удастся мне этой ночью набраться сил, ровно как и позаниматься с малышкой на следующий день...

Глава 3

Сказ иной, третий. Беспокойная ночь

Кажется, только закрыла глаза, только-только почувствовала кожей свежую мягкость чистых простыней, только с удовольствием отдалась накатившей волне блаженства, затягивающего в сонную, ленивую негу, как громкий стук в дверь вернул в сознание. Судя по тому, что за окном тьма-тьмуша, я успела проспать, как минимум пару часов. Приподнялась на локтях, потрясла головой, прислушалась:

– Баб Стефанид! Баб Стефанид! – это голосит тринадцатилетняя Елочка. Точно, из Нижнего Куреня за бабулей прислали, к Аньшане.

– Да тише ты! – цыкнула в окно на девчущку бабуля. – Весь дом перебудишь. Иду я, иду.

– Ой, баб Стефанид, поспешайте, боязно-то как!

– Да что тебе там боязно, дурында, чай не впервой мамке рожать-то!

Слышно, как хлопает дверь, и голоса удаляются от избы.

– А ежели что не так пойдет? – раздался тонкий голос Елки.

– А что там может не так пойти? – пробасила бабуля. – Что ж, мамка думаешь, без меня не справится? Да у любой бабы это изнутри прописано...

Голоса, наконец, удаляются настолько, что перестают быть слышимыми, а я блаженно потягиваюсь в постели и переворачиваю подушку прохладной стороной. Все-таки, как же хорошо, что не за мной...

И тут... как будто повторился недавний сон. Опять, словно только-только сомкнула веки, меня выдернули из сна стуком в дверь. Первая мысль была – наверно, приход Елки за бабулей мне приснился, такое бывает с Яагинями, называется вещие сны. Не успела я толком прийти в себя, и уже приготовилась услышать голос Елочки «Баб Стефанид! Баб Стефанид!», как раздался совершенно другой голос, принадлежавший по всей видимости, взрослой женщине:

– Тетя Стефанида! Тетя Раифа! Вы дома?

На этот раз в окно ответила посетительнице бабуля Рая:

– Тише, Малашка, заходи. Что у тебя стряслось?

Слышно было, как хлопнула дверь вниз и голоса стали едва различимыми. Однако вскоре я услышала знакомые шаги на лестнице и в горницу мою ожидаемо вошла баба Рая.

– Сеня, – прошептала она. – Спишь?

– Нет, ба, – сонно отзываюсь я.

– Да, заснешь тут, пожалуй, – согласилась баба Рая, на ходу повязывая платок. – Вот что, Сеня: в Погребцах у Ласки малые что-то занедужили, животами маются. Малашка вон за помощью прибегла, видать худо детишкам.

– Бабуль, так давай я сбегаяю? – сказала я, приподнимаясь на кровати. Жалко бабулю стало, все-таки далеко до Погреб-

цов... – Туда и обратно?

– Сиди дома, сказано же! – проворчала бабуля, которой явно самой не хотелось идти куда-то ночью. – Сама схожу, погляжу. Я быстро, – и за бабулей закрылась дверь.

Я блаженно перевернулась на другой бок, пребывая краем сознания где-то там, на тропинке, освещенной полной лунной, что ведет к нашему дому, слушая монотонный разговор двух женщин, удаляющихся в сторону Погребцов.

Мне показалось, или из комнаты двойняшек раздались сдержанные, но радостные восклицания?

Как ни растаскивай их по разным спальням, маленькая некромантка иногда перебирается к брату – «он боевой чародей, он защитит, мне так спокойнее».

А вот то, что на доме стоит волшебная защита, которой позавидовал бы даже его светлейшество княже наш, пресветлый Гартман Наднино Дино Нандо, ее почему-то не успокаивает.

Остатками бодрости постаралась прислушаться – нет, видимо, показалось.

Благословенная тьма...

Тук-тук-тук. Нет, это не ночь, это издевательство! Сговорились они там все, что ли?

– Эй! Уважаемые Йагини! Э-э-эй! Есть кто дома-то?

Я набросила на плечи платок и споро сбежала по ступенькам. За дверью обнаружилась молодая женщина одетая по-городскому, что я заметила, когда пригласила ее внутрь.

Женщина испуганно, но с какой-то испытующей надеждой смотрела на меня, мяла платочек и не решалась начать разговор.

– Вы что-то хотели, уважаемая? Если по поводу нежелательной беременности, то обратились не по адресу. Бабули этим не занимаются, – произнесла я и нахмурила брови.

Уж очень мне не понравилось, как бегают глазки у этой городской мамзельки, и как не решается она завести разговор. Приглядевшись, поняла, что скорее всего вижу перед собой компаньонку или горничную благородной дамы – одета вошедшая хоть по последней штольградской моде, но без особого шика.

– Барышня, милая, мне нужна госпожа Стефанида или госпожа Раифа. Это очень срочно, – голос женщины сорвался, похоже, она и в самом деле здорово нервничает. Увидев мои вопросительно приподнятые брови, поспешила добавить: – Нет-нет, никаких прерываний беременности. Моя госпожа никак не может родить...

О, пресветлая Дидилия!* (* богиня женского плодородия у славян)

Вот только роженицы мне этой ночью не хватало! Не успела обрадоваться, что к Аньшанке бабуля ушла, так вот же, пожалуйста! Судя по всему, ехать мне сейчас, несмотря на наказы бабок сидеть дома, в Штольград, к какой-то городской фифе... Уж лучше бы к знакомой Аньшане в Нижний Курень... Все это я додумывала на ходу, заскочив в горницу,

чтобы повязать голову платком, накинуть синий кафтан, и подпоясаться поясом потомственной Йагини.

Наказ-наказом, а ну как ее госпожа и вправду окочурится? И пусть я даже не узнаю об этом, никогда себе не прощу, если выгоню сейчас эту женщину из-за страха перед княжеским чародеем, чтоб его. Конечно, соваться в Штольград сейчас опасно... Но с другой стороны, ночь на дворе, надеюсь обернусь до рассвета!

Я заглянула в комнату к Никодемке, ожидая увидеть обоих двойняшек, но увидела только одного братишку – светло-русые кудри растрепались, губы приоткрылись, и полуулыбка на них слегка обозначала ямочки на щечках – Демка сейчас как никогда похож на ангела.

Странно, я думала, что мне не показалось, что я и вправду слышала из его горницы их с сестренкой смех. Ну-ка, а как она? Маленькая Йогана тихо посапывает на боку, сунув кулачок под подушку. Окно в ее горнице настежь открыто – юная некромантка на дух не выносит жары. Когда была поменьше, так и норовила раздеться и сигануть в Данину, к мавкам, которые, несмотря на вздорный, да что там вздорный, прямо скажем – паскудный нрав, всегда привечали маленькую Йагиню, как свою. Я осторожно прикрыла Йожку сбившимся в комок одеяльцем и тихо покинула горницу. Ничего, на доме мощная защита, да и кто-то из бабуль скоро вернется.

Появилась перед испуганно дернувшейся гостьей уже под личиной бабы Стефы. Что ж это она так шугается? Первый

раз что ли, видит перед собой лесную целительницу? Это вряд ли. Что-то там не так с ее госпожой, как пить дать, чую. Но эта не скажет. Судя по отчаянному выражению глаз, на дне которых плещется, силится всплыть наверх, но остается на своем месте, какая-то тайна, девушка очень предана своей хозяйке.

– Что ж, девка, поближе-то никакой знахарки не нашлось?

Женщина испуганно захлопала глазами, а я подала ей знак

– мол, на выход, и продолжила гудеть:

– В Штольград? – спросила я и женщина кивнула.

– Язык ты проглотила, милая? – грозно нахмутив брови, ласково осведомилась я.

– Простите, госпожа...

– Стефанида.

– Простите, госпожа Стефанида. А как вы узнали, что нам в Штольград?

М-да. Похоже, совсем беда у девушки с логикой из-за переживаний за госпожу. Городскую от деревенской или хуторской так сложно отличить!

– Так на то ж, милая, я и Йагиня, – решила я добавить нам веса в глазах простодушного народа. – Что ж ты поближе-то помощи не попросила? Дом Знахарок к вам поближе будет, да и на самой окраине Штольграда дом Имитативных волшебниц, которые гомеопатической волшбой владеют?

Мы вышли на широкую тропинку и здесь ожидаемо ждал экипаж, запряженный двумя весьма приличными меринами

гнедой масти, с белыми пушистыми манжетами над копытами, как я люблю. Девушка ответила уже в карете:

– Так ведь лучше вас и госпожи Раифы во всей Светлой Империи никого нет.

– Ну, сказала, – я засмеялась, как засмеялась бы бабуля, услышав такую неприкрытую лесть. – Чай, случай-то у хозяйки не совсем обычный, а? Ежели к доктору не обратились?

– Как не обратиться, – всплеснула руками женщина. – Первым делом за ним послали, но только не нашли. Непонятно, где он, а госпожа уже десять часов мучается...

– Десять часов, говоришь, и доктора не нашли, – повторила я задумчиво.

Да, городские изнеженные барышни не в пример слабее селянок, но за десять часов не найти доктора... Сдается мне, не особо старательно искали. Да и при современных микстурах и волшебных оберегах, которыми можно запастись заранее в избытке в любой аптекарской лавке... Что-то это мне не нравится. Я постаралась не хмурить брови, чтобы еще больше не пугать и без того бледную девицу.

– Так ведь это еще не срок, милая, – решила ее успокоить. – Не переживай.

Странно, но женщина как будто заволновалась от этих слов еще больше.

Экипаж остановился перед высоким нарядным домом. Даже я знаю, что это дом местного главы.

Значит, рожает его молодая женка, которую продали, точнее, отдали за него четыре года назад. И дите, которое никак не может появиться на свет, не первое, насколько я помню. Первым делом жена подарила штольградскому главе очаровательного, здорового малыша. Непонятно тогда, почему сейчас роды так затянулись – второго рожать обычно легче.

Взглянув на перекошенное от усилий лицо молодой роженицы, стало все понятно.

Юная, и, пожалуй, что смазливая женка обстоятельного главы оказалась по совместительству женой песиглавца...

Повезло, что за мной, то бишь за бабулей догадались послать.

Раздав команды помогающим роженице женщинам, я начала плести заклинание, способствующее безопасному извлечению песиглавца из тела человеческой матери.

– Сам-то дома? – хмыкнула я, одновременно ощупывая твердый, как камень живот роженицы.

Женщина испуганно покачала головой. Я махнула свободной рукой и набросила на нее легкий стазис – почему этой дурехе никто не объяснил, что тужиться надо только в момент схваток, да и то, происходит это по большей части само собой! Вон, глаза краснющие, все в полопавшихся капиллярах!

Я начала делать подстройку дыхания – чем объяснять ей сейчас, как это правильно делается, проще проделать вместе с ней. Рожать песиглавца – это, я вам скажу, не мед пить.

– Нет, он уехал по делам, – прошептала обессилевшая без пяти хвилин мамаша.

А вот этого мне не надо: я споро скомандовала дежурившей неподалеку служанке заварить пакетик с укрепляющими травами, который достала из сумы. Время у нас есть. Но чую, отец малыша несется сюда во весь опор. Издалека мчит-ся, поэтому и роды тяжелые. Ну, да об этом мы с ним мы после поговорим...

– По делам, – протягиваю, – Значит, повезло тебе, девка. Что мужу-то о дите скажешь?

Очередной приступ схваток оставил мой вопрос без ответа. Точно. Папаша уже на подходе. Только не тот папаша, что глава сего города, а тот, что видимо, какой-то заезжий наемник-песиглавец.

– Где сударыня Малена? – донесся мужской голос после того, как хлопнула входная дверь.

Ничего такой голос, низкий и бархатистый, но молодой, и даже, как будто с интеллигентными нотками. Хотя это, видимо мне от духоты почудилось и от вцепившихся мертвой хваткой в мою ладонь пальцев жены главы Штольграда.

Откуда у песиглавца взяться интеллигентным интонациям? А кем еще может оказаться этот мужчина, ежели не отцом мучавшего сейчас мать изнутри малыша?

К слову сказать, обычно песиглавцы «крадут» себе женщин, для акта оплодотворения, так сказать. Но с женками своими они не живут – селят их обособленно, в специально

созданных для этого общинах, где хатки возводятся рабочей силой по найму – песиглавцам не по статусу о ком-то проявлять заботу, даже если это матери их будущих детей.

И стоит только появиться на свет маленькому – а песиглавцы бывают только мужского пола, но прекрасно имеют потомство от обычных женщин, как отец забирает его у матери и растит самостоятельно.

Мать же вольна остаться в поселении жен, правда, шансов, что тот же самый песиглавец захочет сделать с ней еще одного ребенка, невелик. Для песиглавца женщина – это в первую очередь, способ размножиться, а во вторую, потешиться. Ну, или в первую – потешиться, во вторую – размножиться, песиглавец их разберет, этих песиглавцев! Матери песиглавца выплачивается откуп, и она вольна покинуть поселение и обосноваться где угодно – откуп за нового песиглавца говорят, довольно солидный.

Понятия «женка» у песиглавцев вовсе не существует, как такового.

Понятие «жена песиглавца» придумали люди, чтобы как-то обозначать женщин, согрешивших с песиглавцем. К слову, зачастую «жены» остаются жить в поселениях, продолжая рожать детей другим песиглавцем. В общем, как-то сложно это все, но так на то они и песиглавцы?

Вместо ожидаемого волосатого громилы огромного роста, со шлемом-головой страшного рыжего пса поверх собственной, с выдвинутой вперед мощной челюстью и едва обозна-

ченными остро отточенными клыками перед верхней губой, повернув голову, я увидела молодого человека, в щегольском черном костюме, в шляпе-цилиндре и с тростью, который смотрел на меня с неменьшим удивлением. Может, я ошиблась – и папаша новоявленный именно он?

– Этот, что ли, папашка-то? – прогудела я бабулиным голосом, вопросительно взглянув на женку главы.

Испуганно вскрикнула и вышеупомянутая женка, и сам претендент на место папки, а входящая за ним молодка, чем-то похожая на ту, что меня сюда привезла, вымолвила:

– Сударыня Малена, княжеский чародей, как вы и просили.

Вид у боевого чародея – а его импозантность, белые перчатки и тросточка с серебряным набалдашником в виде головы обезьяны не смогли ввести меня в заблуждение – мягко говоря, испуганный. По всему видать аристократическая бледность сейчас на пределе своей аристократичности, а и без того немаленькие глаза дюже непристойно выпучены на то, что происходило в светлице. Как будто здесь свиней режут, ей богу! Обычная, встрепанная, орущая, рожающая дама!

– Вы не предупреждали меня, – забормотал этот храбрец, переводя взгляд туда-сюда, лишь бы не на женку местного главы. Сфокусировался на мне, вздохнул с облегчением и продолжил: – Сударыня...

– Стефанида, – подсказала я.

– Сударыня Стефанида, я по всему видать, здесь лишний, вы и без меня прекрасно справляетесь. Я лучше... как это... покараулю. Мало или что.

И правда – «мало или что». Что и говорить, в подходящий момент этот чародей пожаловал в дом к местному главе. И возможно, если бы я не была так занята с роженицей и пессиглавцем, который наконец-то решил появиться на свет, я бы, наверно, испугалась, несмотря на искусно скрывающую лицо личину.

Но мне никак нельзя отвлекаться, и поэтому я просто раздраженно махнула в его сторону свободной рукой, и опять приступила к плетению сложного заговора: нужно помочь несчастной, все-таки, нелюдя рожает.

Бедная женщина голосит так, будто ее режут, но дыхание больше не сбивается, силы, после десятичасового марафона, восстановились, а подстройку дыхания я продолжаю делать вместе с ней.

Уже вот-вот – окинув привычным взглядом картину происходящего полностью, я увидела в широко раскрытых глазах женки главы Штольграда непримиримую решимость, и, можно так сказать, даже злость.

Это хорошо, что она наконец разозлилась – это чувство придаст ей сил, и силы эти очень нужны женщине именно сейчас.

Полностью погруженная в происходящее, я приняла крупного, розового орущего младенца, родившегося с длин-

ными для новорожденного черными волосами на голове и загривке и причудливой формой ушей и крохотными зубками – в принципе, это, пожалуй, единственное визуальное отличие детеныша песиглавца от человеческого. А суровый воинственный вид взрослых особей – так вы еще деревенских мужиков не видели, когда жены домой с купленным заговором трезвости приходят.

Будучи с головой в волнительном процессе, занимаясь обработкой пуповины и пеленанием малыша, я не расслышала, как дверь в покои женки главы открылась, и вошел собственно, виновник торжества.

Обернувшись, я смерила песиглавца недовольным взглядом, и он потупил глаза, понимая, что я совершенно права.

Дело в том, что нечеловеческих муках уже бывшей его зазнобы виноват только он.

Чем ближе отец к собирающемуся появиться на свет малышу, тем меньше неприятностей для матери. Собственно, в энциклопедии классификаций нелюдей, ясно прописано, что песиглавцы необыкновенно заботливы и нежны с женщинами два раза в жизни этих самых женщин – о первом, думаю, сами догадаетесь, а во второй раз, когда «жена» рождает им потомство.

Ни один степник не бывает так заботлив со своей жеребящейся кобылой, ни один охотник так ласково не успокаивает борзую суку, когда настает ей черед ощениться, как нежен в это время песиглавец с матерью своего сына.

Однако затем малыша ждет специальный мешок на груди, а после и за плечами папани и особая смесь вместо материнского молока. Собственно, несмотря на то, что человеческие женщины вынашивают песиглавцев, состав крови у нас все-таки разный, и молоко женщины просто не подходит малышу.

– Что ж ты, уважаемый, так со временем просчитался-то? – хмуро спросила новоявленного папашу и постаралась не замечать, с какой радостью и одновременно мукой в глазах смотрит на бывшего любовника женка главы Штольграда.

– Не успел я, – прорычал уважаемый и по писку, раздававшемуся из свертка на могучей груди песиглавца, я поняла, почему не успел. Он просто принимал другого своего малыша, у девицы, точнее уже не у девицы где-то далеко отсюда. Однако!

– Однако мог и срок подгадать, – все еще не перестаю я злиться, – А ну как мамка-то с дитем оба к праотцам отправились, не дай Макошь?

– Срок подгадал, – сделал попытку оправдаться папаня. – Да эта, – песиглавец неопределенно махнул рукой в сторону только что родившей женщины, чем наполнил ее и без того настрадавшиеся сегодня глаза целыми озерами слез, – раньше срока родила. Намного раньше.

Так, а мне теперь становится понятней, от чего так бегали глазки у провожавшей меня горничной, и у служанок, помо-

гавших госпоже, когда я вошла. Я-то подумала, что все дело в самой пикантной тайне – мол, рождает хозяйка не от хозяина, а от заезжего песиглавца...

А дело-то тут, похоже, серьезнее. И к бабулям решили обратиться, а не к местным знахаркам и не к доктору, чтоб разговоров меньше было...

Я передала сверток с ребенком отцу, тот принял его в свои мощные волосатые ручки и с невиданной мною ранее у песиглавцев нежностью присоединил к другому такому же свертку.

– Справишься с братишками-то? – вздохнула я, и по ухмылке песиглавца увидела, что справится, и с несколькими справился бы, видно не впервой.

Теперь настало время разобраться с роженицей.

– Так что же, милая, – спросила я, подбавив в свой голос нарочито ласковых ноток, которые не обманули никого из находящихся в этой комнате. – Ты раньше времени рожала?

Роженица постаралась не смотреть на меня, но со мной этот номер не прошел. Служанки, а их в покоях насчитывалось ровно три, вместе с той, что ездила за мной в дом Йагинь в лес, те и вовсе отвернулись.

– Зелье, ускоряющее роды? Или умертвляющее плод? Что в принципе, могло оказаться одним и тем же?

Женка главы затравленно смотрела не на меня, а на песиглавца, чье внимание сейчас наконец-то привлекла. Но внимание это было вовсе не такое, как ей бы хотелось: даже мне,

вроде как спасшей ребенка и вручившей его отцу целительнице стало не по себе от вида этого огромного, по всему виду, решительно настроенного наемника. Об отношении этого племени к своим детям никому ни в Светлой империи, ни в Темной, рассказывать не приходится.

Не успела я переместиться между отцом и матерью только что появившегося на свет дитяти – только убийства мне сегодня ночью не хватало – и сплести охранный заговор, что готова была набросить на женку главы, которая особой симпатии у меня не вызывала, как песиглавец резко развернулся и направился к выходу из светлицы. Уже на пороге, он, не оглядываясь и не сбавляя шага бросил увесистый кошель через плечо. Кошель упал прямо на кровать к молодой женщине, которая уже не сдерживала рыданий, и плакала, опустив лицо в ладони, горько и отчаянно.

Глядя на ее вздрагивающие плечи, на всю позу, выражавшую боль, раскаянье, утрату и все же некоторое облегчение, мне стало жаль эту молодую дуру. Присев на край кровати, я притянула ее к себе, одновременно протягивая служанке мешочек с успокаивающими травами, показывая жестами, что содержимое следует заварить и подать сюда.

– Ну, милая, все позади, – пробормотала я. А потом не выдержала: – Неужто, подгадала, что муж по делам поехал и решила мертвое дитя родить и похоронить, пока его нет?

– Не-е-ет... – протянула, всхлипывая молодая женщина, – Я не хотела убивать ребенка. Я знала, что за ним... отец при-

дет! Я выпила микстуру, ускоряющую роды, вдруг муж раньше времени вернется...

– Так эту микстуру, милая, можно пить только по совету доктора или повитухи, когда роды уже начались, а не когда до них еще месяц.

– Две недели... – прорыдала женщина, поправляя меня.

– Ну, две недели, – сказала я, пожимая плечами.

Успокаивающий отвар сделал свое дело, и женка главы понемногу приходит в себя.

– Я же... Я же с ним хотела уехать...

– Куда? В поселение?

Она кивнула.

– Так это, знаешь ли, не значило бы, что ты его хоть раз в жизни увидела, – женщина опять зашлась в отчаянных рыданиях, – Ты лучше подумай, что мужу скажешь, как объяснишь, где ребенок?

Вместо хозяйки ответила одна из ее служанок – тучная пожилая женщина с сурово поджатыми губами. Такая, судя по хмурому и испуганному – испуганному не за себя, за свою молодую хозяйку, взгляду, предана госпоже до смерти, но и относится к ней с определенным покровительством:

– Какой ребенок, сударыня Стефанида? Эта дурища живот весь срок бинтовала, три месяца с мужем в одной постели не спала, мол, нехорошо ей, а потом и вовсе отправила за каким-то капризом, кремом из толконьего жира, в эту, как ее, Виернию – к лешему на кулички. Вона, месяц уже нет.

– Да, милая, – заметила я. – Ты – стратег. И ты собралась от такого золотого мужика в поселение женок песиглавцев?

Та кивнула.

– Вот что, – добавила я строгости в голос. – Не дури. Или ты ради той ночи с песиглавцем не только от всего здесь, но и от ребеночка своего откажешься? И от рода своего?

– От рода!

Глаза женщины сверкнули неприкрытой злобой.

– От какого рода? От голытьбы этой, которая меня в женки главе продала? Которые сейчас сыром в масле катаются?! От этого рода? Или от отродья мужниного, один в один на отца своего похожего?! Да лучше за песиглавцем на край света...

Голос ее сорвался.

Я вздохнула. Что тут скажешь.

Но глава-то не виноват. Он, похоже, искренне любит свою молодую женку, вон, и к близости не принуждал, и за кремом этим поехал... И ребенок ее не виноват.

И даже песиглавец, который тому только пять хвиль на-зад ушел отсюда с сыном этой женщины на руках... Тоже не виноват.

О повадках этого племени знает и стар, и млад, так что барышня сознательно пошла на то, на что пошла. песиглавцы никогда не берут себе жен, и к женщине относятся как к домашней скотине.

Но с другой стороны – они ведь никому своих жизненных

принципов не навязывают, а что крадут девок и женщин... Слыхала я, как эти самые, украденные, в одной рубахе и босиком бегут за конем, на котором сидит потенциальный жених и голосят дурниной. Тут уж хочешь – не хочешь, а похищать приходится... Впрочем, здесь мне больше нечего делать. Женке главы – своего ума не вставишь.

– Ты уже можешь вставать, милая, – сказала я ей. – Песиглавца сложно рожать, но восстанавливаешься всегда за считанные мгновения. Ты вот что, пойди завтра в богомольню, да зажги свечи светлой Макоши и Дидилии. Да Припекало, который защищает от супружеской неверности, хорошо помолись, девка. Может, боги тебя и помилуют – дадут доброты сердцу, а голове – ума. Без ума да без доброты сложно жить на свете...

Выйдя за ворота дома главы и уже собираясь сесть в экипаж, привезший сюда, чью дверцу открыл передо мной уса-тый кучер, обнаружила, что меня ждет сюрприз.

Со словами: «Любезный, мне с госпожой Йагиной по пути» в экипаж лихо запрыгнул княжеский чародей, оказывается, все это время дожидавшийся меня у калитки.

Не успела я как следует возмутиться, как экипаж уже тронулся по улочкам Штольграда, и за плотно закрытыми занавесками замелькали полосы забрезжившего начала*. (* Начало – синоним зорьки, зари. Разговорное выражение в славянских деревнях)

Хмуро и исподлобья, я уже более внимательно, чем в мо-

мент нашей первой встречи рассмотрела треклятого чародея, которого, похоже, ничуть не смутил тяжелый, и хотелось бы, чтобы неприятный – что я, зря старалась – взгляд старухи.

Щеголеватый костюм, цилиндр, трость с серебряной головой оскалившейся обезьяны, с настоящими сапфирами вместо глаз, начищенные до блеска ботинки... Весь этот антураж не мог сбить меня, потомственную Йагиню, с толку.

Взглянув на сидящего напротив молодого человека истинным зрением, опять увидела мощнейшую, внушительных размеров ауру оранжевого цвета, принадлежащую, без сомнения боевику. Прищурилась – или мне показалось, или он Посвященный? Нет, не вижу, защита стоит...

Интересно, зачем ему скрывать свою силу?

Думает, испугаюсь?

Не на ту напал!

Скользнула взглядом по лицу – и оказалась на дне светло-голубых глаз, опушенных черными, как смоль, и длинными, точно стрелы, ресницами. Вот на что, скажите мне, мужику такое богатство?

Черная же прядь волос, выбившаяся из-под модной шляпы, спадает на лоб и я порадовалась, что нахожусь под личиной. Резкие, но все же привлекательные черты лица, несколько более длинный, чем принятый за канон красоты, нос, вытянутый овал, упрямый раздвоенный подбородок...

Что и говорить, рядом с таким обычная деревенская де-

вушка почувствовала бы себя в лучшем случае курицей рядом с павлином, в худшем – и вовсе маленьким и незаметным воробьем. Собственно, деревенская девушка и почувствовала. Как хорошо все-таки, что лицо закрыто личиной!

– Сударыня...

– Стефанида, аль память отказала? – нарочито нахмурившись, прогудела я.

– Да нет, не отказала, – усмехнулся этот наглец, обнажив ровные белые зубы, что только добавило ему привлекательности. – Просто подумал, раз уж мы наедине, может, представиться настоящим именем?

И что прикажете делать?

Впрочем, сама знаю что: как бы то ни было, нужно стоять на своем, делая вид, что не понимаешь, о чем тебе толкуют. Известное правило женщин любого возраста, любой расы, любого народа, рода и племени, если что.

– Не понимаю, милоч, о чем ты говоришь, – нагло заявила я, уставившись на этого императорского наглеца.

А что? Считал личину, и что дальше? Лицо-то мое надежно скрыто, а кто сказал, что баба Стефанида не может вот так просто, из придури бабской на работу личину надевать? Может у нее прыщ на носу вскочил или ячмень на глазу? Ну ладно, ладно, перегнула палку. Все-таки о Йагине речь. Но тем не менее!

Чародей поднял руки кверху в шутливом жесте – мол, сдаюсь.

– Как вам будет угодно, – сказал он, а потом добавил коварно. – Думаю, не ошибусь, если назову вас сударыней Хессениемей?

Нет, ну что за наглец?! По пальцам непроизвольно пробежал как будто боевой разряд, и пришлось прилагать усилие, чтобы втянуть рвущийся наружу огний обратно. Хотя – у целительницы это не огний вовсе, а так, одно название: вон, у Демки и то, лучше, чем у меня выходит.

– Все, все, понял вас, – сказал нахал и сделал примиряющий жест. – Я собственно, не для того вас ждал... Чтобы сразу же повздорить из-за ерунды.

Вот как. Не для того, чтобы сразу, значит. Ну что ж. Сделала выжидательный вид – мол, и?

– Если вам внезапно понадобится моя помощь, – сказал маг и протянул мне стопку писчей бумаги. – Только дайте знать!

– А с чего это вдруг Дому Йагинь понадобится помощь княжеского чародею? И что же, вы, сударь, думаете, что у нас в лесу своей бумаги нет? На листьях пишем? Или через дым от костра телепортируем?

– Ах, сударыня, ну конечно же, нет! Просто письма из *этой* бумаги, я прочту гарантированно.

Вот оно что. Видимо, поклонницы замучили своими благоухающими самыми изысканными духами воздушными кораблями.

Почему-то в голове возникла следующая картина: вот этот

городской щеголь сидит за столом и читает утреннюю газету – перед ним чашка крепкого кофею и, возможно, зажженная сигара. А об окно его бьются, точно рыба об лед, сотня, да что там сотня, тысяча разноцветных кораблей с ажурными, хитро вырезанными парусами!

А, вот еще картинка – краше первой – чародей выходит из ворот гостиницы по каким-то княжеским делам, хотя почему по каким-то? Знамо дело, на охоту за очередной клушей, которую можно отправить умирать к Темному князю – прямо в замок, мерзавец! А за ним шлейфом, благоухающим духами, нежно и настойчиво шелестит парусами да скрипит тонкими мачтами-палочками целая флотилия!

Куда там Федорке-то с ее красными сапогами и разноцветными атласными лентами в косах! Вон оказывается, как утонченные барышни оказывают знаки внимания. Но зачем мне он впихнул в руки целую стопку макулатуры, которую заранее намерен читать? Ох, чует мое сердце недоброе... Все ж таки прознал, или догадывается о том, что старшая внучка Йагини Стефаниды ворожить начала! И пижонский наряд этот меня не обманет! Волком вцепится в малейшую возможность «сосватать» за Темного князя очередную некстати одаренную дуру...

– Так что ж вы, милейший, – намеренно подпустила в свой голос нагло-официозный тон. – Думаете, что в своем лесу потомственным Йагиням что-то угрожать может?

– Судя по вашей манере лепить огни, сударыня... кхм,

Стефанида, – улыбнулся этот мерзавец во все свои тридцать три, как у виерны, зуба. – Я вообще удивлен, как вам княжеская помощь до сих пор не понадобилась!

Вот нахал! Да, слаба я в боевой волшбе, и что? Да и на что мне она? Я заговором живой колючей проволоки так скручу, что мало не покажется. Однако надо защищать честь бабули, а то достанется мне потом – от нее же!

– Так я, милейший, вижу, что противник-то больно уж слабоват. Вот и зачем мне в такой неприятной ситуации полноценный боевой огонь?

– Что вы, сударыня, какой я вам противник? – почти искренне воскликнул этот негодяй. – Приношу свои извинения, если мое присутствие вам настолько уж неприятно. А от помощи все-таки не отказывайтесь – добровольно предлагаю, – самодовольно усмехнулся этот прощельга, княжеский прихвостень! – И предполагаю в ближайшее время нанести вам дружественный визит. Надеюсь, в следующую нашу с вами встречу, ваш наверняка светлый лик не будет скрывать личина!

Я не успела ничего ответить, точнее не успела даже придумать, чтобы такого достойного ответить этому столичному хаму, как этот самый хам на ходу открыл дверцу и выскочил из экипажа.

Рядом со мной на сиденье осталась лежать только пачка писчей бумаги с инициалами *Л. де Эл. Д.* и каким-то непонятным вензелем – похоже, мой новый знакомец из благо-

родных.

Что ж, неудивительно: черные волосы, белая кожа, голубые глаза – порода просто написана на этом холемом высокомерном лице! Первым моим порывом было схватить эту пачку и отправить ее вслед за хозяином, но потом подумала, что может бабули что-то смогут сказать о ее владельце. И ничего, что она зачарованная, и не такие чародейские щиты пробивали, как говорится!

Родные стены встретили меня недовольным ворчанием бабы Стефы из ее горницы:

– Всыпать бы тебе за такие выкрутасы на орехи, Сенька! Ну да что уж. Раньше надо было воспитывать!

И вот наверняка знаю, что получила бы «на орехи», если бы не помогла роженице – ведь без моей помощи женщина вряд ли дождалась бы песиглавца... А все равно, надо побурчать. Просто для того, чтобы побурчать. Из любви к искусству, так сказать.

– Спокойной ночи, ба, – прошептала я в сторону бабулиной горницы.

А из горницы бабы Раи донеслось:

– Какое ж спокойной ночи, на дворе начало! С малым-то все в порядке?

– Да что ему делается, – закрываю дверь, прямо с порога падая на долгожданную кровать и моментально погружаюсь в сон.

Глава 4

Сказ иной, четвертый. Польза от чародеев

- Сееееень....
- Ну Сееееень....
- Сееееень....
- Просыпайся...

Голоса братца с сестрицей выдергивают из благословленного забытья. Не открывая глаз, переворачиваюсь на другой бок и накрываю открытое ухо подушкой.

Даже не подумаю встать! Имею полное право! У меня всю ночь были тяжелые роды! То есть не у меня, конечно, но это не отменяет моего законного права на полноценный отдых. И не собираюсь я никак реагировать на двойняшек. Если не реагировать – может, и не сидят вовсе на моей кровати маленькие озорники, а это мне приснилось. Или, может, посидели – да ушли.

Четыре цепкие детские ручонки, вцепившиеся в меня хваткой лучшего охотничьего пса, начали синхронно раскачивать мое еще совсем еще не проснувшееся тело, явственно давая понять: не надейся, Сеня, что дети самоликвидируются как по мановению волшебной палочки.

Что же делать? Что-то подсказывает мне – еще пять минуток драгоценного сна, всего пять... и точно, буду как огу-

рец!

– Сеня, ну пожалуйста!

– Вставай!

– Ты уже полдня дрыхнешь!

Полдня? Интересно! Зная себя, я могу проспять, если легла после восхода – часа три-четыре максимум! Ну ладно, пять. А зная неугомонных детишек, могу побиться об заклад – сейчас от силы часов так девять – десять утра.

– Убирайтесь, дети! – сонно пробормотала я.

В ответ раздалось сдавленное хихиканье.

– Ну вот, – прозвучал нежный голосок Йожки, почему-то шепотом, ведь только что эта малолетняя заноза ничуть не стеснялась канючить в полный голос, – Она уже почти готова!

– Убирайтесь, говорю вам! – уже более бодро пробормотала я, – Бросайтесь в Данину, к мавкам! Или проваливайтесь к Ящеровой Матери, Поганой Старушке, в Пекельное Царство!* (* Ящер, Змей, Чернобог – бог подземного царства, Пекельного Царства у славян) Или валите к Переругу!* (*Переруг – бог ругани у славян) Потому что если я сейчас встану, мало вам не покажется! Обещаю, что Переруг будет просто институткой по сравнению со мной!

Я, так и не открывая глаз в надежде все-таки еще немного подремать, не глядя, спихнула малолетних прилипал с кровати, и накрылась одеялом с головой, свернувшись в комок,

как наш рыжий кот Маркиз.

– Точно! – а вот это уже подал голос Демка, ей-богу, если они сейчас не уберутся, наплюю на свои светлые принципы и отгаскаю обоих за уши! Кстати, с позиции акупунктуры, очень даже полезная процедура! – Она уже готова!

– Да к чему готова-то, изверги рода Йагинего? – все-таки выглянула я из-под одеяла и злобно прищурилась, одновременно запуская пятерню в волосы и распутывая их. Так устала, что даже не удосужилась заплести косу на ночь, вот, пожалуйста, и кубло вам на голове, сударыня!

– Услышать нашу новость! – пропищали в ответ братец с сестрицей, преданно, по-щенячьи, заглядывая мне в глаза.

– Дети, – простонала я, – А ваша новость не потерпит хотя бы часок? – и опять сомкнула веки.

– Новость-то да, а вот умрун верлиоков* вряд ли... (*Умрун – в славянской мифологии – ходячий покойник; *Верлиока – Сказочное чудовище у славян, обитающее в глухом лесу, разрушитель и истребитель всего живого)

– Что?!!!! – меня прямо взрывной волной подбросило на кровати, снеся с нее. Однако я не заметила ни ушибленный локоть, ни бедро, на которые я так неловко приземлилась после такой вот *новости*.

– У нас в лесу верлиока? Или умрун? Стоп! Мне послышалось! Конечно, послышалось. Или Вы сказали, что верлиока еще и умрун? – за эту череду вопросов я успела опять взобраться на кровать, с которой слямзилась, и теперь уже пы-

талась с нее вскочить, и сесть уже по-человечески, но как на зло, запуталась в одеяле и, пытаясь освободиться бестолковыми, лихорадочными движениями, отчаянно чертыхалась. Дети восторженно и даже с некоторым умилением взирают на меня.

– Где бабули? – взревела я, совершая отчаянный рывок и треклятое одеяло, наконец-то меня отпустило.

– Баба Стефа на Дальних Выселках.

– Баба Рая в Нижних Погребцах.

Та-ак. Значит, бабули на работе. Меня по давешнему уговору оставили на хозяйстве, в том числе приглядывать за детьми. Не стали будить, пожалели. Но раз бабули где-то у недужных, значит об умруне они ни слухом, ни духом, значит, дети увидели его недавно. Стоп! Умрун на то и умрун, чтобы спокойно себе отдыхать в уютной сырой прохладной могилке днем, прикидываться ветошью и не отсвечивать до наступления ночи. Где мелкие его нашли?

– Значит, план таков, – быстро командую я, хватая за потные от волнения ладошки двойняшек и выставляя их за порог моей горницы, – Стоять здесь, ждать меня, никуда не уходить, – закрываю дверь и судорожно начинаю ряд санитарно-гигиенических процедур, располагаясь в лохани за ширмой. Надо спешить. Умрун верлиоков – это вам не шутики!

Одеваясь, прислушалась к шепоту, доносящемуся из-за двери, и стала невольной свидетельницей короткометражной

пьесы, разыгравшейся у моего порога:

Итак...

Никодем, он же Демка, он же Вредитель, он же Вот Выйду Сейчас и Оборву Кому-то Уши – Д.

Йогана, она же Йожка, она же Малолетняя Паразитка, она же Причина Моего Сумасшествия, она же... – Й.

Н.: Думаешь, разозлилась?

*Й.: Ну, она же пока не знает, что это наша работа...
(онемение зала)*

Н.: Может, и не скажем?

Й.: Ага, не скажем! А то она совсем дура. И сама не увидит... По плетению заклинания...

Н.: И то верно, – обоюдный вздох.

Занавес.

Не хочется в это верить, да что там, не хочется об этом даже думать, но похоже, в лесу сейчас находится умрун от верлиоки, и детишки как-то к этому причастны. На секунду я приложила пальцы к вискам, силясь вспомнить то, что написано об умрунах в учебнике по некромантии, и о верлиоках в учебнике классификации нечисти, и продолжила судорожно одеваться, перевернув наконец не дающуюся мне рубаху правильной стороной и не пытаюсь более попасть головой в широкий рукав.

Итак, сначала верлиока.

Верлиока – огромный, вечно ухмыляющийся, одноглазый детина. И не надо обманываться этой туповатой ухмылкой

нечисти. Ума он невеликого, но кровожадности неимоверной. Издревле верлиоки жили в лесах, выпускаемые прямо из преисподней Ящером за грехи людские. Верлиока с садистским удовольствием убивает все живое вокруг себя, не пропуская ни одного встречного. Эдакий разрушитель самого ценного, самого святого на Земле-Матушке, самой жизни...

В давние времена чародеи, волшебники, колдуны и ведьмы – которым тоже, к слову, никакого покоя от верлиоков поганых не было, объединили свои силы, и при помощи Матери Сырой Земли истребили эту погань, и те верлиоки, которые живы остались, провалились обратно, откуда пришли – в преисподнюю, Пекельное Царство то бишь. Там им самое место – нет там живых, ни людей, ни нелюдей, а значит, и истреблять некого. Откуда верлиоке взяться вот сейчас, в наше относительно мирное время – непонятно.

Теперь умрун.

Здесь все гораздо проще.

Умрун – это заложный, то есть ходячий покойник.

Днем спокойно отдыхает, где-нибудь под землей, ночью есть мясо, предпочитает свежатинку, даже правильное сказать, живятинку.

От человечинки никогда не отказывается, даже если сыт от пуза. Не любит запахов полыни и чеснока, так что если у вас с собой целая охалка вышеупомянутого – можете размахивать ею перед перекошенной от отвращения мордой до

самой смерти. Вашей, разумеется. Потому как остановить умруна может только хорошее боевое заклинание, с применением специально заговоренного железа или серебра. На осиновый кол, кстати, вопреки расхожим мнениям, реагирует вяло – в крайнем случае, проткнув чудище осиновым колом, немного оттянете конец. Естественно, свой. Как-то так.

За такими невеселыми размышлениями я закончила одеваться и выскочила из горницы.

– Теперь по порядку! – строго приказала детишкам, увлекая их вниз, за собой.

– Сень, ты может, позавтракай сперва, – протянул заботливый братец.

– Времени-то у нас еще до ночи – вагон! – согласилась с ним сестра.

Как будто я сама не понимаю, что до захода солнца у нас время есть. Я отрезала ломоть белого, свежесыпеченного хлеба и поставила вариться кофей – от чего-от чего, а от кофейю бабули не собирались отказываться: привыкли за много лет, проведенных в городах.

Пока я набиралась сил, малолетние преступники – а как их теперь еще называть? применение запрещенных заклинаний дело серьезное – поведали мне, в чем дело. Детишкам поперек горла стало то, что их волшебный потенциал, а точнее возраст, не воспринимают всерьез. Я, в частности. Они оба, судя по всему, мнят себя вполне состоявшимся боевым чародем и сурьезной, опытной некроманткой. Какие они по

существом еще дети!

А тут еще от кого-то из бабуль прослышали, что им, как минимум, год еще школа не светит. Причем деревенская школа, та что в Верхнем Курени, а не в Штольграде.

А они уже довольно решительно настроены на Академию при Ковене Чародеев (туда больше рвется Демка) или Университет Темных Сил (туда, понятно, стремится юная владычица смерти). Ай, Йожка, Йожка! Долго тебе еще не светит обучение ни в Светлой, ни в Темной империи... В Светлой – опознают деву из идиотского пророчества, да отправят на верную смерть – с Темным князем воевать. А как заставить или заинтересовать тебя, всегда возможность найдется.

Кто-то из целительниц за родных боится, кто-то за собственную жизнь да красоту, а кто-то, несговорчивый зело, может и эффект зелья принуждения на себе ощутить, чай, не цаца, церемониться никто не станет.

А в Университете Темных Сил опять же распознают в тебе героиню пророчества да и удалят с глаз долой, подальше... И хорошо, если подальше это – всего лишь Мать Сыра Земля, а ну как в лабораторию, к более сильному некроманту – для опытов? Не приведи Макошь...

Но юная некромантка еще не ведает об отодвинувшихся, а то и вовсе закрытых перспективах, и вместе с «боевиком» решила доказать всем и каждому, что они уже вполне состоявшиеся чародей да чаровница!

Для этого дети не придумали ничего более убедительно-

го, как призвать из преисподней верлиоку – на этих словах я схватилась за сердце – как силенок-то хватило, я не спрашиваю, а вот как ума хватило – понимаю, и спрашивать не стоит!

По плану, вызванного верлиоку надлежало умертвить ни кому иному, как вполне состоявшемуся боевику, чтобы затем юная владычица смерти могла поднять мертвое чудище с помощью своей волшбы, а затем – вместе уже – умертвить окончательно.

И в принципе, план двойняшек сработал: действовать они решили приблизительно в час Ночного Барсука, за час до крика петуха, рассудив, что раз из взрослых никого нет дома, им и помешать никто не сможет, а также, если сами умруна не уложат, то начало-то с ним точно справится. Так в итоге и вышло.

Запретное заклинание по вызову из преисподней, оказывается, еще пол лета назад переписали из моего учебника по темной волшбе. А как же? Ведь для того, чтобы уметь противостоять злу, или снимать темные наговоры, мне надобно знать, как оно вообще творится.

И теперь заклинание по вызову верлиоки из преисподней вполне себе пригодились. На мой вопрос – а почему решили призывать именно верлиоку, дети разъяснили, что василиска или индрика* призывать побоялись, а что-то менее опасное – оно, вроде как, и не по статусу. (*Индрик-зверь – В русских легендах Индрик выступает как "всем зверям отец". Он мо-

жет иметь и один, и два рога. Похожее описание встречается и в Голубиной книге.)

Итак, сначала все шло как по маслу, за исключением, конечно размеров вызванного верлиоки.

Чудовище оказалось не просто внушительных размеров – оно было просто огромным – как минимум в три раза выше и несколько раз толще взрослого человека, чего уж говорить о детях, шести лет отроду. Если бы не полевая хитрость и не разложенная, заранее сплетенная, неделю назад еще, волшебная сеть, собственно, прямехонько в которую и вызывался верлиока, никогда бы Никодемке не поразить чудовище своим боевым заклинанием.

Да и бабулиным боевым посохом, скромно добавил негодник.

Не завидую ему – братик никакого права не имел не то, что брать – прикасаться к запрещенным пока артефактам.

Но как бы то ни было, убить пока еще ни в чем не повинного верлиоку, вызванного именно с этой целью, малолетним преступникам удалось.

Дальше за дело взялась будущая некромантка.

Она с легкостью подняла чудовище, призвав для этого его недалеко еще отошедшую душу при помощи магического зеркала, отражающего потусторонний мир, принадлежавшего другой бабуле.

Как обрадовался верлиока тому, что мало того, что его столь подло умертвили, так еще и оживили, поместив в на-

чинающий разлагаться труп, думаю, объяснять не стоит.

Собственно, тут детишки должны были оба постараться – умертвить злобное создание уже окончательно, но...

Магическая сеть разрядилась, с чего бы это, кто бы мог подумать, что так может быть, не правда ли?

Бабулин боевой посох отказывался повиноваться, зарегистрировав несанкционированное вмешательство в виде приказа, следовавшего не от хозяйки, а магическое зеркало, которое умеет не только призывать душу, но и отзывать ее обратно, показывало только какие-то помехи, думаю, по той же причине, что и посох!

Спас детишек от вышедшего из-под контроля чудовища – и не только их одних, я даже представить себе боюсь, сколько окрестных весок пострадало бы от детской глупости – первый крик петуха.

Умрун, как ему и полагается, стремительно начал терять силы и попросту не догнал спасающихся бегством боевого мага и некромантку. Убедившись, что чудовище более не опасно, дети закидали того листьями и ветками. Видимо, чтобы кто другой не позарился на их имущество, ехидно заметила я, а эти заразы промолчали, скромно потупив голубые глазки, и пошли домой, дожидаться, пока я встану, потому как сообщать бабулям о собственной глупости они и не собирались.

Ничего, увидят бабки, что трогали их артефакты... И увидели бы, если бы пользовались чаще, да только в нашей глу-

ши с ровным магическим фоном эти навороты обычно без надобности, лежат себе в шкафике.

Однако видимо, не пришел еще конец моим сюрпризам, уготованным на это утро. Потому как Никодем, после всего этого рассказа, не обращая внимания на мой хмурый, ничего хорошего им не сулящий вид, радостно провозгласил:

– А теперь вызывай столичного чародея?

От такого предложения я поперхнулась кофеем и Йожка заботливо постучала меня по левой лопатке, ближе к плечу.

– Какого еще чародея? – опешила я.

– Того самого, княжеского, – пояснил братец, и с придыханием добавил, – *Боевого!*

Ах, вот оно что! Братику не терпится познакомиться с коллегой. А судя по тому, как загорелись глаза у сестренки, эти малолетние занозы еще что-то придумали. Не иначе, как собрались завести полезное знакомство, которое проложит им дорогу если не в Темный Университет, так в Светлую Академию...

– Какого еще чародея?! – на этот раз с более грозными нотками в голосе повторила я, – Бабулям сейчас напишу, – и, щелчком пальцев подозвала чистый лист бумаги с полки, чтобы соорудить из письма, которое я намеревалась написать, почтового красавку.

– Как это – бабулям? – с видом ничего не понимающего кота Маркиза, который забыл посмотреться в зеркало и не видел, что морда у него вся перемазана сметаной, отозвался

Демка.

– Бабулям – не надо! – поддержала братца юная владычица смерти, представив, видимо, что им будет за то, что посмели вообще подумать о том, чтобы прикоснуться к заветному шкафику.

– Здравсьте, – кивнула я им, – А умруна вашего велиорочьего сами устранять будем? Так я, знаете ли, еще жить хочу. И даже к обездвиженному дневным светом чудовищу не приближусь. Почувяв опасность, он откроет в себе скрытый резерв, и опять-таки мало нам не покажется.

– А зачем бабуль отвлекать? – пролепетала Йожка, надо же, какая заботливая, – Ты лучше чародея, чародея позови!

– Так. Сейчас же колитесь, на кой он вам сдался, этот чародей, – говорю таким тоном, что детишки понимают, шутить я с ними не собираюсь. Я обычно никогда не допускаю таких интонаций в разговоре, но сегодня они меня реально разозлили.

– Так ведь он чародей, – красноречиво объяснил Демка.

– Боевой, – неуверенно помогла брату Йожка.

– *Боевой!* – с придыханием повторил за сестрой Никодем.

– Это вообще его работа!

– Вот именно!

– А вам не приходило в голову, что его работа – это я? – поставила я в тупик малолетних нахала и нахалку.

– Ну, – протянул Дема.

– Ты же под личиной будешь! – поддакнула брату Йожка.

– Он и не поймет ничего сквозь волшебный щит!

– Не увидит!

– Не узнает!

– Нет, – и в этом коротком слове прозвучало все. Что я думаю об их плане завести знакомство со столичным чародеем и посмотреть вживую на особенности своей будущей деятельности.

Я взяла самопишущее перо и начала быстро выводить на листе: *Бабули! Срочно нужна ваша помощь*. Дальше писать незачем, бабки знают, что я никогда не побеспокою их по пустяку. Малолетние преступники приуныли и стали походить на насупившихся хомяков.

– И нечего дуться, как мыши на крупу, – сказала я им, – Вы хоть сами понимаете, что наделали? Взяли запрещенные артефакты – это раз! Вызвали из Пекельного Царства одно из самых опасных чудовищ – это два! Подвергли риску жизни многих людей, животных да лесной нечисти – три! Если вы думаете, что этот ваш умрун пощадил бы хоть букашку на своем пути, то вы очень ошибаетесь! И, наконец, собирались подставить меня заезжему охотнику за целительницами! – это четыре! Вы хоть представляете, чем я бы рисковала, обратившись к нему? Как пить дать следующее начало встретила бы на пути прямо к Темному князю в жаркие объятья! Под угрозой вашим и бабулиным жизням или заклинанием принуждения! Да вы своим идиотским поступком просто опозорили весь Дом Йагинь! – завершала обличительную

речь я уже перейдя на крик, не в силах сдержать рвущуюся наружу ярость.

Ведь малолетние оболтусы не только меня с бабулями чуть не подставили, сами чуть не подставились!

Они еще не знают, что у Йоганы дар целительницы, и если его светлейшество прознает – остается только представить, что вырастят из юного дарования светлые чародеи. Одно дело ставить эксперименты на присылаемых темной половиной преступниках, и совсем другое – официальное разрешение накачать светлую ведьму боевой волшбой так, чтобы наверняка одолеть Темного князя! А что это наверняка порвет девчонке психику и искалечит и душу и тело, так кого волнует судьба пешки в большой серьезной опасной игре?!

Я вытерла злые слезы, наворачнувшиеся на глаза, едва представила, что могло случиться с Йожкой, и малолетние хитрецы заметно притихли.

Свернув красавку, я только собиралась вдохнуть в него волшбы, как в тот же миг в окно влетел и упал передо мной на стол точь-в-точь такой же. Знать, одна из бабуль шлет новости.

«Я к Стене на Дальние Выселки, – без предисловий начиналось послание, что говорит о том, что баба Рая спешила, – У нее там эпидемия лярвомании, трое больных и восемь носительниц. Останемся на ночь, обнаружим очаг заражения и спровадим погань, куда ей дорога. Одной Стефаниде тяжело», – еще бы! судя по количеству источников, очаг не

так просто искоренить. *«Сидите там тише воды ниже травы. Столичный чародей в гостях у Домов Травниц и Знахарок уже был. Нам прислал письмо с просьбой о повторной встрече, – насчет повторной, Сеня, тебя ждет серьезный разговор, но без приглашения он к нам не сунется».* Ишь ты, не сунется. Прямо как вампир! А хотя только полный дурак сунется в Дом Йагинь без дозволения на то хозяев. *«А пригласим, как вернемся. Смотрите не балуйте там!»*

Не балуйте... Если бы баба Рая только знала, что нам тут совсем не до баловства!

– Сень, а что такое лявромания? – спросила заглядывающая через плечо и читающая бабулино письмо Йожка.

– И что теперь, не позовем бабуль? – до братика похоже дошло, что чародея позвать *мы не можем*, а бабуль на помощь звать нельзя. От осознания уровня опасности, будущий боевик малость побелел.

Я посмотрела на притихшие, испуганные мордашки детей.

– Лявромания? – автоматически переспросила я у сестры. Ах, да, откуда им знать – последняя эпидемия, только по другую сторону от Штольграда прокатилась еще тогда, когда их и на свете-то не было.

На дело тогда пошли втроем – бабули и мама, я с папой осталась дома. Он, к слову, тоже порывался пойти помочь, но маменька была непреклонна.

Что ж, Йогана будущая целительница, имеет право знать.

Да и Никодем тоже потенциальный целитель. Пожалуй, прочитаю небольшую лекцию. К слову, сама отвлекусь от лихорадочных мыслей «Что же делать?!!» и «Нам конец?!!», тянущих за собой панику.

– Лявромания – это когда лявра, злобный женский дух, который любит хулиганить и блудить, вселяется в женщину.

– Типа суккуба? – с умным видом уточнила Йожка, а Демка сделал вид, что он вообще не здесь, а крайне заинтересован тем, что происходит за окном. Значит, до классификации нечисти, тома пятого, они уже тоже добрались. Только что-то мне подсказывает, читали они там далеко не обо всех демонах подряд, а выборочно. Кхм.

– И да и нет, – ответила я, – сущность, что у лявры, что у суккуба – да, распутная. Но суккуб не способен вселяться в человеческую женщину, ему итак хорошо. Он пьет жизненную силу у мужчин, которые соблазняются им, – на этих словах Йожка сделала еще более серьезное лицо, поджала губы и кивнула, маленькая макака, а Никодем даже покраснел. Ничего, пусть знает. Не все ж из учебников узнавать, когда и сестра что умное подскажет.

– Когда лявра вселяется в женщину, а делает это она для более острых ощущений, ну и с хулиганскими целями, конечно, – продолжила я, – Женщина превращается в гулящую, распутницу.

– Так все распутницы – лявры? – поинтересовался Демка.

– Это скорее философский вопрос, – потрепала я его свет-

люю макушку, – И медицинский. В большинстве своем это всяко нездоровые люди.

– Но не стоит преуменьшать вред, который способна нанести лявра, – продолжила я, – Ведь лявра, по сути, это обитатель преисподней, порождение духа, не получившего должного погребения. Ночью лявры особенно опасны: если им удастся проникнуть через внедрение в человеческое тело в людское поселение, они бродят по ночам и насылают на людей безумие. Да, и еще у них ядовитое дыхание. Мама с бабулями, когда выходили на охоту за ними, одевали специальные повязки.

Двойняшки слушали меня, раскрыв рты. Глядя на этих белокурых ангелочков, болезненно сжалось сердце. Все, что угодно, лишь бы они не пострадали. Судя по всему, выход у меня только один.

– Демка, – попросила братишку, – Сбегай в мою горницу, на трюмо лежит пачка бумаги. Принести один лист.

Братик, не спрашивая ни о чем, побежал. Однако Йожка, отличавшаяся куда большей проницательностью, поинтересовалась:

– Так тут же полно бумаги?

– Чародею писать будем, – пояснила я. Кто его знает, может и не разглядит через волшебный щит мой дар целительницы. Щит надежный – бабули вместе ставили. А они, как ведуньи, всяко посильнее любого княжеского чародея будут!

Никодем прискакал с целой пачкой бумаги от чародея.

– Вот, – бросил он ее передо мной, – А чьи это инициалы? – в правом верхнем углу каждого листа стоят инициалы с вензелем: *Л. де Эл. Д.* Так значит, даже «де». Судя по всему, сударь чародей не просто из благородных, а прямо-таки из верхушки аристократии. Если это «де Эл.» означает «де Эллар», то мой знакомый приходится родней по материнской линии самому его светлейшеству. И если это так, то следующая буква «Д.» может означать только одно – «Дарнийский», а это значит, что заезжий чародей в ближайшем родстве состоит с герцогом Дарнийским, у которого на службе сейчас наши с двойняшками родители.

Ох, час от часу не легче! Чует мое сердце, что если только этот княжеский хлыщ меня раскусит, как миленькая побегу воевать с Темным князем. Сама.

Потому как ни бабулями, ни братом с сестрой шантажировать меня не придется. Родителей достаточно...

– Боевика этого вашего инициалы, – ответила я, – Довольны? Будем писать ему. Не выдергивать же бабуль. Даст Макошь, справимся!

Нет, эти маленькие негодяи невозможны! Голубые глазенки тут же загорелись жадной азарта и Большого Приключения! И как злиться на таких?

Глава 5

Сказ иной, пятый. Главное – осторожность

Я притянула себе один листок и написала:

«Сударь чародей, – задумалась: может, уважаемый сударь чародей? И сама себе ответила – обойдется! Вот справится с умруном верлюкой, тогда, может быть и зауважаю. Если еще и меня оставит в покое! – Ввиду срочных обстоятельств, я рада воспользоваться Вашим любезным предложением. Как можно скорее, ждем Вас в Доме Йагинь. Задумалась, писать это или не писать, и все-таки решилась: В случае если вас сопровождает рота песиглавцев, как любого уважающего себя столичного чародея, им тоже будем рады». Затем еще немного подумала, и приписала: *«Хессения».*

Еще не хватало, чтобы он в ответ на это письмо бабе Стефе или бабе Рае отписался. Ждет меня тогда два серьезных разговора.

Хотя что ж, я виновата, что женка главы сама его позвала? Вспомнила лицо боевика, который вошел в святая святых – покои рожайшей женщины и невольно фыркнула.

Конечно! Все вы, мужики, сильные с разной нечистью да поганью воевать, а как рожайшую бабу видите, так и до обморока недалеко!

Перечитала письмо, удовлетворенно кивнула. Быстрыми

движениями, чтобы не передумать, сложила красавку и выпустила его в окно, только и видели! Пусть ему городские да заморские барышни летучие корабли шлют, мы, народ простой, даже не деревенский, а и вовсе лесной, с нас и красавок довольно! Красавку* только и видели. (*Журавлик, славянское выражение) В следующий миг ничто не напоминало о том, что я только что сделала.

Потянулись томительные мгновения ожидания. Двойняшки раскрутили меня на признание, когда это я успела познакомиться с боевым чародеем, и очень развеселились, когда узнали, что сего товарища хотели припахать в качестве повитухи.

Ответ не замедлил себя ждать: если честно, я не думала, что чародей ответит так скоро. Письмо было максимально деловым и лаконичным и состояло только из одного слова: *Еду*.

Развернув кораблик и увидев, что в нем было написано, я, надо сказать, вздохнула с облегчением. Может, и обойдется. Надеюсь, чародей должным образом отнесется к просьбе привлечь песиглазцев. Со всей серьезностью.

Столь ожидаемый нами – да, всеми троими, чародей появился самое большее – через час после того, как мы получили от него кораблик. За это время я успела еще раз перечитать все, что написано о верлиоках и способах борьбы с ними в учебнике. Информация для меня не особо утешительная – я, со своим даром целительницы, вряд ли способ-

на сильно помочь чародею в уничтожении умруна. Боевичка из меня... с натяжкой сказать, слабенькая. Да и, кроме того, если хоть как-то продемонстрирую перед чародеем свой дар, зря бабули над щитом потели.

Подозвав Йожку, успела замаскировать алые пятна на ее стальной ауре некромантки. Благо, они были пока совсем крохотные, и это было не сложно. Работой своей осталась довольна – нарочно будешь присматриваться (а насчет того, что императорский маг обязательно присматриваться будет, я не тешу себя иллюзиями) – ничего не увидишь, кроме многообразия оттенков серого.

На вопрос Йожки, зачем это нужно и что я делаю – ответила, мол, обычная защита от сглаза. Дема тотчас потребовал себе точь-в-точь такую же, пришлось и над ним «поколдовать», привлекая к уроку установки волшебного отражения Йожку. А что, полезно.

Чародея с загадочными инициалами Л. де Эл. Д. кот Маркиз учуял задолго до его появления, уселся на порог и принялся умываться как-то истово и решительно. Поэтому к появлению чародея у нас все было готово: ни моего, ни Йожкиного целительского дара не видно, я в очередной раз прониклась серьезностью демонстрации волшбы жизни, а двойняшки в подробностях поведали мне о нахождении умертвленного верлиоки. О том, чтобы взять малолетних неслухов с собой «на дело» даже речи не шло, так что детишки крупно просчитались в своих планах и сейчас опять дулись, как

мышы на крупу. Точнее, как два кудрявых хомяка.

– Сударыня Хессения, я полагаю, – раздалось с порога.

– Сударь?

– Лиодор, для вас просто Дар, – учтиво поклонился чародей.

Да, что и говорить, при свете дня этот возмутитель спокойствия выглядел еще более привлекательно, нежели ночью, в обманчивом свете экипажа и опочивальне женки главы Штольграда. Хотя там разглядывать его у меня и времени-то особо не было.

Удивительно, но камуфляж, который чародей надел сегодня, видимо, воздав должное тону моего письма, сидел на нем также отменно, как и давешний щегольской костюм. И даже резкий запах, исходивший от его костюма, запах специально раствора, пропитавшего боевой камуфляж, хоть и не походил на давешний аромат одеколона, но совсем не портит впечатления.

Голубые, как озера глаза, сверкают прямо-таки сапфирами, а темные волосы при дневном свете отливают синевой, что еще больше подчеркивает аристократическую бледность кожи. Довольно высокий рост и широкие плечи – а я впервые стояла в его присутствии и смогла оценить его физические данные по достоинству – даже при своем росте, а Йагини всегда были статными, немного выше обычных людей, я почувствовала себя рядом с ним маленькой девочкой.

Почему-то стало необъяснимо жарко, и я разозлилась на

себя – еще не хватало вспотеть, как конь, впрочем, о чем я думаю, вскоре подобная перспектива покажется наименьшим злом. Столичный... или все-таки Дарнийский красавец как-то слишком пристально смотрит на меня, сияя, как начищенный самовар.

– О, да тут мой коллега, – улыбнулся он той же своей ослепительной улыбкой и присел на корточки перед Никодемом, пристально вглядываясь в его ауру и довольно кивая, – Вот это сюрприз! – протянул братишке руку совсем по-взрослому и маленький наглец пожал ее со всей серьезностью.

– Боюсь, настоящий сюрприз стоит рядом с вами, – я сознательно решила перенаправить его внимание на сестру, рассчитывая, что увидев перед собой Йагиню-некромантку, он и думать забудет о том, чтобы искать у нее еще какой-либо дар. И оказалась права. Маг настолько опешил, взглянув на Йожку волшебным зрением, что мне захотелось подставить ему табуретку под челюсть. Мало ли.

– Йагиня – владычица смерти? – он недоуменно уставился на меня. Я пожалала плечами. Мол, подумаешь, невидаль.

– Пока в семье обделена я одна, – я мило улыбнулась ему, от всей души желая наслать чесотку или медвежью болезнь, чтобы сидел себе дома и не рыскал по городам и весям в поисках молодых дур, отправляемых Темному князю в качестве пушечного мяса.

– О, сударыня Хессения, я не сомневаюсь, что когда ваш дар проявится в полную силу, вы затмите величайших вол-

шебниц нашего времени!

Вот мерзавец. Не «проявится», а «проявится в полную силу». Вроде как намекнул, а вроде как и нет. Ладно, голубь. Поиграем.

– Однако, судя по вашему письму, дело срочное, – чародей стал предельно серьезным, – Что случилось, сударыня?

– Умрун верлиока, – просто ответила я.

Кивнул, как будто именно этого и ждал.

– Что-то подобное я и предполагал. Слишком сильные эманации зла для этой местности, вторая волна за последний месяц.

– Вот как? – процедила сиропным я тоном, не обещающим ничего хорошего двойняшкам, – Вторая, вы говорите? – я села, пригласив жестом присесть и чародея. Братец и сестренка стоят перед нами и глазки их беспокойно бегают, но паразиты усиленно делают вид, что они просто так тут, проходили мимо.

– Колитесь, милые малыши, – потребовала я, – Это не первая ваша попытка?

Никодем взглянул на сестру, и, видимо, как настоящий мужик, решил взять удар на себя:

– В прошлый раз у нас волшебной сети не было, так что... Йожка решила поддержать братца:

– Так что мы передумали в самый последний момент.

– В самый последний момент?! – конечно, недопустимо

в присутствии постороннего, а может и вражеского элемента переходить на крик, да что там, даже визг, обращаясь к младшим, но до меня с запозданием доходил весь страшный смысл этой фразы. Чародей с удивлением переводил взгляд с малолетних негодяев на меня.

– Стоп, – перебила сама себя и почему-то уставилась с недоумением на чародея. Наверно, потому что он единственный взрослый здесь, а я в глубине души еще считаю себя не совсем взрослой, и потому, что он, чего греха таить, наверняка более опытен, чем я. На этой мысли почему-то опять стало жарко и я подумала, что заболеваю на нервной почве, – А почему тогда бабули... То есть Йагиня Стефанида и Йагиня Раифа ничего не заметили?

Лиодор пожал плечами:

– Сам удивлен, если честно. Может, за той, первой волной ничего не последовало и ваши уважаемые бабушки решили вас не пугать?

«А может, списали дурное предчувствие на приближение очередного княжеского», – подумала я.

Я кивнула, подтверждая его предположение:

– Да, думаю, так и было.

– Значит, я правильно понял, появлению умруна верлиоки мы обязаны юным дарованиям?

Юные дарования смотрели важно и сияли, как имбирные пряники.

– Юным дарованиям, дорвавшихся до запретных арте-

фактов, – нехотя пояснила я, что немного сбило спесивое удовольствие с мордашек братца и сестрицы. В любом случае, чародей узнал бы об этом, просто немного позже. А для пользы дела лучше заранее посвятить профессионала в подробности. По себе знаю, насколько важной может оказаться любая деталь.

– Посох и зеркало, – более утвердительно, чем вопросительно, произнес Лиодор, кивая каким-то своим мыслям.

На раскрывшиеся от удивления рты двойняшек жалко смотреть – они никак не могли поверить, что их так быстро раскусили. Даже я восхищенно присвистнула, а чародей коротко улыбнулся одним уголком рта. Странно, но эта кривая, скупая улыбка казалось, еще больше шла этому столичному (столичному ли?) негодяю. Да, Сеня, с таким ухо держать остро! Знает, подлец, свои сильные стороны! Пока я предавалась негодующим мыслям о внешних и внутренних данных мага, Лиодор тем временем строго подозвал к себе обоих виновников торжества.

– Значит так, юные сударь и сударыня, – начал он. Сударь виновато сопел, понимая, что выволочка – хотя бы даже словесная – неизбежна, а сударыня отводила глаза и комкала одной рукой подол сарафана, – То, что у вас обоих есть волшебный дар, еще не делает вас настоящими некроманткой и боевиком, – тут боевик засопел еще громче и даже, как будто набычился, а сударыня некромантка начала возить уголком башмачка по чисто вымытым половицам. Маг тем временем

продолжал:

– Воспользоваться чужими артефактами, которых сами еще не заслужили – может каждый дурак, – сурово отчеканил он, – Но истинными чародеями вас делает не наличие дара, и даже не стремление ими стать. Чародей – это тяжелый ежедневный труд и опыт. Это ответственность за каждый свой шаг, за каждую мысль и порыв. И ответственность на нас лежит куда большая, чем на обычных людях. Чародеи – элита, высшее общество нашего мира. Мы просто не имеем права на безрассудство и детские ошибки.

Мои ангелочки стоят, виновато понутив голубые глазки-блюдца. На слове «детские» их, бедняг, даже передернуло. Эдак столичный чародей поверит в их сознательность; вот я – сколько лет их уже знаю, и то почти верю! Но, как оказалось на проверку, эти штучки на Лиодора не подействовали.

– Вы совершили серьезное преступление, – сообщил он ровным, холодным тоном. О Макошь! Дажьбог! Купала! Белобог! Авсень и Ярило! Защитите нас! И, похоже, боги услышали мои молитвы:

– И только глубокое уважение к Дому Йагинь, который я почитаю и знаю давно, заставляет меня скрыть этот факт от его светлейшества князя.

Спасибо, Макошь!

– Сударыня Хессения, вы готовы составить мне компанию? Я никогда не взял бы вас в сопровождающие, но, бо-

юсь, у меня нет выхода. Вы единственный взрослый человек, который может указать место преступления. А о том, что вы уже в курсе, где все произошло, не сомневаюсь.

Я кивнула.

В таком случае, нам следует поторопиться: мне нужно подготовиться к тому, чтобы застать умруна врасплох с наступлением сумерек.

– А разве мы, то есть вы, нападете не прямо сейчас?

– Дело в том, что для того, чтобы наверняка изгнать однажды призванную назад в мертвое тело душу, это необходимо делать в ночное время, – о! об этом я даже не слышала, – К тому же, днем у умруна в случае нападения открывается резервный запас сил, что может оказаться совсем не в нашу пользу, в особенности учитывая, что это верлиока, – а вот об этом я прежде читала, да и бабули не раз упоминали в уроках.

Я кивнула.

– Простите мою дотошность, – улыбнулся маг, от чего сердце почему-то подпрыгнуло в груди, – Видимо вам совсем неинтересно вести разговоры об умрунах и верлиоках.

– Ну, тут знаете – нравится-не нравится, – не согласилась с ним я, – А знать это необходимо, учитывая всю сложность возникшей ситуации, – я, непонятно почему, заговорила профессорским тоном бабули Стефаниды, – К тому же, мне это пригодится в жизни. Когда-нибудь, – добавила я.

– Надеюсь, что нет, – серьезно заявил этот городской пи-

жон и потребовал принести ему все необходимое для приготовления ловушек для нашего умруна.

– Кстати, заодно и молодежь поучим, – подмигнул он.

– Вы хотели сказать – «поучите», – поправила я его с ангельской улыбкой.

– Конечно, – не остался в долгу этот негодяй, продемонстрировав свой шикарный виерний оскал, – Я, знаете ли, люблю поговорить о себе во множественном числе.

– Так, наверно, еще больше проникаешься собственной значимостью, – не упустило случая поддеть мое ехидство. Но я тут же взяла себя в руки – в конце концов, как бы то ни было, но этот чародей здесь для того, чтобы помочь нам. И он дал обещание не предавать огласке «подвиг» милых малышей. Хотя кто его знает, с его обещаниями! Готова поспорить: стоит ему прознать о моей целительской силе, как вот он – прекрасный повод для шантажа! Что с детьми способно сотворить правосудие за то, что они совершили... нет, лучше и не думать об этом вовсе. Зная свое обыкновение раскрашивать мысли самыми мрачными красками, лучше воздержаться от аналитики.

А что говорить о детях – маленькие паразиты смотрят на чародея влюбленными глазами, пребывая в полной готовности сделать все, о чем этот негодяй попросит: еще бы, настоящий урок боевой волшбы!

Демка с Йожкой с ног бились, выполняя его поручения: травы, микстуры, железо, подкову, даже горную руду отку-

да-то притащили! Я только диву давалась: то ли Лиодору действительно удалось пристыдить маленьких негодников, то ли у детишек столь явно выраженная жажда знания. Хотелось бы думать, конечно, что и первое, и второе.

Мне тоже нашлось чем заняться: хоть я официально и не обладала волшебным даром, но для того, чтобы смешивать, толочь, разбавлять, следить за тем, чтобы не «убежало», а также варить кофей и делать бутерброды для всей компании, я вполне пригодилась. Так сказать, выполнять самую черную, обезьянью работу.

Наконец, все было готово для встречи с чудовищем, и мы с сударем княжеским чародеем покинули дом Йагинь. Двойняшки, не смотря на то, что сударь Лиодор совершенно измотал их приготовлениями – подавляющее большинство которых, как я поняла, именно для этого и предназначались, все-таки обиженно дули щеки из-за того, что их не взяли с собой «на охоту». И даже то, что я заверила их, что свое дело они уже сделали, внесли самый, что ни на есть решающий вклад, все равно надули щеки, как хомяки.

***

Вот бывает так – ждешь, ждешь чего-то необычного, что навсегда и бесповоротно перевернет твою жизнь, наполнив ее новым смыслом и раскрасив яркими красками. Просишь об этом светлых богов...

И когда-нибудь допрашиваешься!

Бабули не зря учили, что просить богов следует только об одном – чтобы даровали тебе то, что для тебя всего лучше, на свое, то бишь их усмотрение. Потому как видят и знают они обязательно больше, чем может увидеть простой смертный, даже если он, этот смертный, долгожитель. Скрывая ото всех свой дар к волшебству жизни, мне иногда казалось, что жизнь моя скучна и неинтересна...

И вот, пожалуйста – я, потомственная, даже наследная Йагиня, девушка из Дома весьма почитаемого, иду по лесу в компании совсем незнакомого мне мужчины, притом княжеского чародея, для того, чтобы указать место, где мои малолетние братец с сестрицей оставили отдыхать самого настоящего умруна, призванного из преисподней, умертвленного и возвращенного в мертвое тело с помощью сильнейших артефактов, принадлежащих нашим бабулям.

Вот что из этого всего – наименьшее зло? Зная суровый, не терпящий полутонов в вопросах чародейского воспитания, характер сестриц-Йагинь, мне кажется, что мало мне в любом случае не покажется.

О, дивная Макошь! О, все светлые боги! Дайте нам вернуться обратно – живыми и с победой! О, Сильнобог – бог силы и ловкости – помоги этому княжескому чародею устоять супротив умруна верлиоки! О, Купало – помоги сохранить мой дар в тайне! И премудрый Велес – сделай так, чтобы наша охота была удачной! С такими мыслями я шла впе-

реди чародея по узкой тропинке. Надо сказать, что хоть он и не деревенский житель вовсе, но ступает за мной так бесшумно, что едва можно предположить его присутствие за спиной.

В отличие от меня, то и дело возносящей молитвы, про себя, конечно, как-то нелепо допускать в такой интимный процесс посторонние уши, для которых ничего в моих обращениях не предназначено, княжеский чародей ничуть не выглядит смущенным: напротив, когда я оборачивалась к нему, вопреки своей воле – не знаю, что на меня находит, не иначе как хотелось проверить, идет он за мной или нет, он одаряет меня своей той самой невозможной улыбкой, от которой неизменно хочется провалиться под землю.

Сударь Лиодор кажется столь невозмутимым и по пути, как может, развлекает меня светскими беседами, что, кстати, очень отвлекает от молитв, а еще сдается, не на умруна идем, а прогуливаемся по парку на каком-то светском рауте.

Неожиданно накатило мысленное видение: представилось вдруг, что мы действительно идем по парку вдоль изящной, изысканно освещенной аллеи, вокруг порхают магические мотыльки и светлячки, окрашивая ночь волшебными, неоновыми огнями, и обстановка точь-в-точь, как в тех самых душещипательных романах: чародей просто невыразимо прекрасен в своем пижонском донельзя костюме, а на мне самое шикарное платье из всех, которые я когда-либо надевала – из плотной, переливающейся ткани, сияющей россы-

пью самоцветов-звездочек на темном фоне. И он вот так же, таким же тоном что-то мне рассказывает, а я не просто слушаю, но и самым живым образом участвую в беседе: ничуть не смущаясь своего слишком уж простого на его фоне вида, манер, да и словарного запаса, чего уж тут. Видение показалось настолько реальным, что когда оно исчезло также внезапно, как и появилось, я не сразу поняла, что произошло: такой реальной была эта неоновая аллея.

– Сударыня Хессения, – раздался голос чародея, и, что самое стыдное в этой ситуации, так это то, что до меня с запозданием дошло, что это уже не первая его попытка привести меня в чувство – он и раньше меня звал, и голос его сейчас звучит несколько обеспокоенно.

– Простите, сударь Лиодор, – голос почему-то предательски дрожит, но слава светлым богам, эту дрожь можно списать на мандраж от предстоящего приключения.

– Сударыня Хессения, – убедившись, что со мной все в порядке, повторил чародей, – Мой индикатор эманаций зла зашкаливает. Посмотрите вокруг – далеко ли место, что описывали вам брат с сестрой?

Изумленно оглядываюсь. О чем я только думаю! Ведь и правда, пришли. И если верить описаниям двойняшек, то вон за тем пригорком... Ой, мама! Показала глазами, Лиодор кивнул.

– Отправляйтесь домой, – тоном, не терпящим возражений, бросил мне чародей. Еще чего!

Что он себе возомнил? Сразу видно, привык отдавать распоряжения челяди. И видимо, представительницы прекрасного пола с готовностью всегда следуют его указаниям. Иначе как объяснить реакцию на то, что в ответ я помотала головой из стороны в сторону.

В обманчивом, неясном полумраке сумерек показалось, что глаза сударя чародея блеснули зеленым светом, а на щеках заходили желваки. Впрочем, он тут же взял себя в руки:

– Сударыня Хессения...

– Сударь Лиодор? – первый раз мне, что ли, представлять деревенскую дурочку. Однако на эту брюнетистую угрозу чести всех девушек – что из города, что из такого захолустья, как наше, мой демарш не произвел особого впечатления.

– Прекратите строить из себя, – прошипел он, – И возвращайтесь домой! Или вы не знаете, чем чревата встреча с живым верлиокой, а не то, что с разозленным умруном?!

Я пожала плечами.

– Вам может понадобиться помощь.

– Чем *вы* можете помочь? Будь вы ведуньей, другое дело!

Ах вот как! Он таким образом хочет вырвать у меня признание! Точно, как же я сразу не догадалась – все это мнимое беспокойство, даже злость на мое неповиновение светлейшей воле – есть не что иное, как хорошо сыгранный, но банальный спектакль на тему «раскрути деревенскую дуру». А вот не на ту попал!

– Я смогу за себя постоять, сударь Лиодор, – холодно отче-

канивая каждое слово, заявила этому хитрецу, а после ядовито добавила, – А в случае вашей неудачи я вернусь и поведаю о вашей героической гибели людям.

Пробормотав себе под нос одно совсем уж непристойное ругательство, которое я никогда не повторю, но и забыть не получается, этот представитель власти добавил пару нелестных эпитетов к «представительнице такого достойного и благородного Дома».

Надо сказать, что я слушала, делая вид, что не понимаю, о чем он, пока чародей, судя по всему, вознамерился выпроводить меня с «места дислокации объекта» силой. Иначе как объяснишь то, что он сделал пару решительных шагов в мою сторону, угрожающе закатывая рукава.

Пришлось сделать вид, что мне просто захотелось отпрыгнуть в сторону. Не знаю, до чего бы дошли наши препирательства, но «объект», по всей видимости, устал ждать, когда же на него наконец-то соизволят поохотиться как следует, и зарычал из-за того самого холма. Видно, мы его разбудили.

Тут чародею стало не до меня, мелькнул в загустевших сумерках с такой быстротой, что только его и видели.

Я благоразумно обогнула холм с другой стороны и увидела следующую картину: умрун, действительно, пробуждался, правильнее даже сказать – восставал, ведь он все-таки был мертвым, что тут же учуял мой чувствительный нос. Хотя кто их знает, этих верлиокков – я их и живых не нюхала никогда.

Чародей против сидящего чудища кажется хухликом, ну ладно, анчуткой, но тоже, знаете ли, подвергает себя, по моему мнению, большой опасности. Здесь не то, что один человек, пусть и не совсем обычный, не справится, а целой роте песиглавцев одолеть такого великана не по силам!

Однако мы же гордые, мы же самые умные, охрану свою пораспустили... Вот куда поперся, спрашивается, а теперь уже поздно! И сопровождающих его песиглавцев отправил подальше – видите ли, не нужны ему потом такие проблемы, как у главы Штольграда. Правда, дадут светлые боги сударыне Малене ума, сам глава никогда о них не узнает. Современная знахарская наука и не на такие чудеса способна.

Верлиока злобно вращает единственным оком посреди лба, скалит зубищи, и, по всему видно, собирался отобедать одним брюнетистым чародеем! Потенциальный обед, а по времени, скорее, ужин тоже скалит зубы – видимо, так понятнее его намерения зверю – а умрун тот же зверь – ему надо свое превосходство показывать, а может просто храбрится, не знаю...

Но в следующий миг чародей Лиодор отлетел в сторону от взмаха волосатой, когтистой лапы, а я спрятала лицо в ладонях!

Похоже, этот княжеский хвостун сильно переоценил свои силы! Верлиока, не смотря на кажущуюся тяжесть комплекции, прыгнул, намереваясь, видимо, довершить начатое. Но там, где секунду назад была добыча, оказалось пусто – чаро-

дей успел в последнее мгновение отскочить в сторону из положения лежа на боку.

Сударь Лиодор, отступая в сторону, принялся кружить вокруг умруна, который тоже двигается, наступая на чародея. Я не видела, как это произошло – так быстро чародей выкинул вперед руку и из-под его пальцев сорвались три боевых огня один за одним. Запахло паленой шерстью, и лес огласил недовольный рев чудовища.

Именно недовольный, обычное восклицание существа, которого заставляют ждать обеда. Точнее этот самый обед и заставляет себя ждать. Я ахнула – это же надо – после трех огниев, выстреливших один за одним, можно сказать, очереди. В недоумении и чародей – это читается на его аристократичном лице.

Дальнейшие – не знаю – хвилины или даже часы слились для меня в череду прыжков, выпадов, падений, рева зверя и рычания чародея. Я вижу – сударь Лиодор держится из последних сил, подволакивает ногу и прижимает руку с боевым посохом, который сейчас принял форму жезла, к боку.

Чародей целится попасть им в единственный глаз чудовища, но видимо, направить заряд нужно только с очень близкого расстояния, как я поняла, потому он и подпустил противника так близко.

Потому что пробить шкуру чудовища кажется невозможно. Да и бессмысленно, поняла я – ну ранишь ты мертвеца, и что? И ничего. Только разозлишь еще больше. Однако каж-

дое сближение проходит совершенно бесполезно для умруна, и чересчур болезненно для самого чародея.

Сударь Лиодор предпринял очередную попытку достать ока монстра, и опять упустил момент, чтобы увернуться из когтистых лап чудовища. Как назло, я не очень хорошо видела, что происходит с чародеем, однако хруст костей услышала очень отчетливо. Не раздумывая, метнула исцеляющим заговором и услышала:

– Сударыня, не могли бы вы обождать с вашей помощью умруну?

О, светлая Макошь! Так этот хруст принадлежал не чародею, а верлиоке?

– Простите меня, сударь Лиодор! – крикнула в ответ я, не думая в этот момент ни о том, что только что сама себя выдала, ни о том, что, судя по всему, добавила чародею неприятностей, – в голове крутится только одна мысль: любой ценой помочь чародею, потому что силы очень неравны.

Просто несправедливо неравны, на мой взгляд. То ли княжеский чародей переоценил свои силы, то ли монстр, которого призвали младшенькие, оказался слишком уж непобедим, то ли...

Следующее «то ли» я не успела додумать, потому что чародей вдруг взлетел в воздух, конечно, не сам взлетел, это у них с этим верлиокой так получилось – сама не поняла, что произошло, но тысячной доли момента, когда сударь Лиодор задержался напротив глаза чудовища, хватило.

Выброшенная вперед рука и молния, бьющая из магического жезла – и вместо единственного ока чудовища остается только черная, дымящаяся дыра. Вслед за этим верлиока как-то неловко осел, а потом и вовсе тяжело повалился на землю. Монстр не двигался.

Однако не двигался и один чересчур самоуверенный чародей – просто лежал поодаль, неловко подвернув под себя поврежденную в бою руку... и не подавал никаких признаков жизни. Все-таки он герой, подумалось мне – выйти один на один против чудовища, и одержать победу!

Правда, такой страшной ценой...

Глава 6

Сказ иной, шестой. Лежите, сударь!

Я осторожно коснулась его шеи – пульс есть, но дыхание неровное, прерывистое.

Не думая о том, что опять-таки выдаю себя – но ведь в этом смысле я уже сделала все, что могла! – принялась плести общеукрепляющий заговор, одновременно осматривая чародея на наличие повреждений.

Насчет руки напрасно волновалась – всего лишь вывих, а вот ситуация с левой ногой мне совсем не понравилась. Если не ошибаюсь, имеет место быть закрытый перелом, но для того, чтобы наложить заговор, сращивающий кости – заклинание очень действенное и мощное, но зело болезненное для пациента, мне следует прикоснуться к голой коже!

А как тут прикоснешься, если никак не закатать эту песиглавцеву штанину, в чем я убедилась, стянув с чародея сапог!

Что ж, другого выхода все равно нет – лучше наложить заговор, пока пациент без сознания – или этот несчастный лес огласит рев похлеще верлиокиного! Я решительно взялась руками за кожаный ремень, принявшись его расстегивать.

Упрямая пряжка не поддавалась, что повергало в отчаянье, а еще я почему-то отводила глаза, видимо поэтому все никак не получалось расстегнуть. Почему отводила глаза –

понятия не имею. Чай, не первый год целительствую, и видеть мужские голые ноги доводилось в том числе...

Однако одно дело – дед Сидор, или Митрилот, или даже Лдык из Верхних Дубовичек, здоровый детина, вот уже год строящий мне глазки и нарочито играющий мускулами во время профессионального осмотра, и совсем другое – этот заезжий брюнет с голубыми глазами!

От одной мысли о том, что придется стянуть с него штаны, меня почему-то начал бить озноб и заболел живот. Неудивительно, что вопрос изумленно вытаращившего на меня свои бесстыжие глаза чародея:

– Сударыня, могу я поинтересоваться, что вы делаете? – заставил меня заорать почище раненного верлиоки.

С трудом справившись с испугом и относительно придя в себя, злобно прошипела сквозь зубы:

– Лежите, сударь, не двигайтесь, у вас, похоже, нога сломана!

Вот видно же, что бахвалится из последних сил! На самом деле ему должно быть очень больно. А еще шуточки отпустить умудряется:

– То есть только похоже на то? Вы не уверены? А раздеть меня пытаетесь, чтобы совместить приятное с полезным, не так ли?

– Сударь, если не хотите, чтобы я оглушила вас заговором стазиса, будьте так добры, прикусите язык. И не шевелите пока этой рукой! У вас вывих был.

– Да, – протянул чародей, – Порисовался перед понравившейся девушкой...

Сие заявление заставило меня покрутить головой, в ответ на что чародей изумленно приподнял одну бровь. Интересно, это он о ком? Вроде бы кроме нас двоих да окончательно мертвого верлиоки здесь никого нет? А чародей продолжил:

– Доигрался, сам виноват.

Я решила не заострять внимание на неприятном для меня вопросе, и продолжила беседу, как будто мы с магом просто сидели за чашкой кофею на террасе, а не лежал он перед мной тут практически в одном исподнем – курку и рубашку пришлось расстегнуть, проверяя на наличие скрытых переломов костей и разрывов тканей, и я не стаскиваю с него штаны.

– Что значит, сами виноваты? – решила я уточнить, – Чего-чего, сударь, а смелости вам не занимать. Выйти один на один против верлиоки...

– Ради вас, сударыня, я вышел бы один на один против самого Чернобога...

Никак, бредит? Нет, точно, бредит! Теперь все понятно, То ему понравившиеся девушки мерещатся кругом, то один на один против повелителя Нави и Пекельного Царства собрался, болезный. Видать, здорово верлиока его приложил! Надо будет еще раз голову проверить. Налицо контузия.

Тем временем удалось, наконец, стянуть с чародея штаны, и отчаянно краснея, я принялась за исцеление треснув-

шей берцовой кости, предварительно наложив обезболивающий заговор. Чародей стиснул зубы, потому что не всегда обезболивание способно помочь, и терпел. Закончив, наконец, я поняла, что моему пациенту надлежит проваляться как минимум часа четыре-пять, пока кость окончательно не срастется – заговор, наложенный на больную ногу, – быстродействующий, но шевелиться во время его действия противопоказано, а то не поможет.

Я понимаю, что вполне могу вернуться домой, но бросить чародея здесь одного, после того, как он спас нас всех от умруна верлиоки, ни совесть, ни воспитание не позволяют! Вдобавок, нужно еще прояснить то, что он оказался случайным свидетелем моего целительского дара...

Ох, не к добру затеяли братец с сестренкой эту авантюру! Хорошо еще, что Йожка не спалилась перед заезжим проверяльщиком, чего-чего, а этого бы я себе никогда не простила, и ни родителям, ни бабулям в глаза не смогла бы смотреть!

Такие мысли приходили мне в голову, пока я сидела, восстанавливая силы, прислонившись спиной к дереву. Чародей окончательно пришел в себя и притянул к себе посох. Удовлетворенно кивнул.

– Лежите, сударь, – решительно пресекла я его попытки встать, – Вам нельзя шевелиться, если хотите уйти отсюда самостоятельно и без проблем! Кость срастется через несколько часов. Вот, выпейте, – протянула ему фляжку с микстурой, прихваченной из дому.

Я, в отличие от некоторых, хорошо подготовилась к бою, точнее не к бою, конечно, не мое целительское это дело, а к последствиям. А не как некоторые, которые только головы ребятишкам дурили, обучая составлять кучу не пригодившихся зелий. Причем о том, что это все не потребуется, ведь наверняка заранее знал, но вишь ты, то ли и вправду решил детишкам урок преподать, то ли просто тянул время до сумерек.

– Сударыня, – сделав большой глоток, сказал чародей, – Я просто подумал, что надо бы избавиться от нашего умруна. Вряд ли это хорошая идея, чтобы кто-то наткнулся на эту, пусть и уже мертвую, тушу?

Его правда. Однако что же мы можем сделать? Умрун-то – вон какой огромный? Не пилить же его на куски и не хоронить каждый по отдельности? Я нахмурила лоб, а чародей расхохотался.

– Откуда в вас столько кровожадности, сударыня? А еще целительница, дарующая жизнь, – широко улыбнулась эта княжеская зараза. Клянусь, если бы не лежал сейчас беспомощным бревном, получил бы на орехи по первое число!

– Тише, тише, сударыня Хессения. Раз уж я не могу двигаться, вам надлежит провести один несложный ритуал самой, с моей помощью, разумеется. Неважно, кто именно его совершит. Главное – наличие – чародейских способностей, – и он обаятельно подмигнул мне голубым глазом.

Вот подлец! Намекает, видимо! Вот ненавижу таких му-

жиков – которые намеками разговаривают. Ты скажи – мол, так и так, ты арестована, с этого момента. Сейчас закончим тут и попрешься как миленькая Темного Рыцаря побеждать. Конечно, вслух я ничего такого не сказала, только подумала. Просто еще больше нахмурилась и спросила чародея:

– Что делать-то?

Дальше я под его диктовку чертила вокруг туши убитого верлиоки черный круг, зажигала волшебных светлячков, нараспев декларировала заклинание. Такому бабули меня не учили! Поэтому, когда Земля-Матушка расступилась после моих слов и поглотила эту мерзость вместе со следами крови – чародеевской, разумеется, я смотрела на исчезающее в недрах земли чудовище с восторгом малого дитяти.

Закончив, уселась опять рядом с магом, смирила температуру, приподняла платок, надежно укрывающий обнаженные участки тела, проверила, как работает заговор, осталась удовлетворена, достала из котомки флягу с укрепляющим бальзамом, заставила выпить, придерживая магическую голову и стараясь по возможности не дышать.

Близость чародея одновременно бросает в жар и раздражает. Все-таки, какой позор на мою голову и весь Дом Йагинь, ежели кто узнает!

А затем, отодвинувшись и постаравшись придать своему голосу как можно более нейтральные интонации, осведомилась:

– Что меня теперь ждет, сударь? Добровольная ссылка в

Темное княжество? Откуда без победы могу не возвращаться?

Сударь Лиодор удивленно уставился на меня. Надо же, как убедительно изображает искреннее изумление! Как будто мне непонятны его мотивы!

– Ну что же вы молчите, сударь? – еще более отстраненным тоном продолжила я, старательно скрывая усталость, – Как будто непонятно, что зверя вы так близко подпустили только для того, чтобы он вас немного покалечил, и я, как истинная дарующая жизнь, не смогла сдержаться, чтобы не оказать вам помощь? В этом был ваш план?

По мере моей речи и без того длинное лицо мага вытягивалось еще больше.

– Сударыня, вместо того, чтобы делать довольно странные выводы самостоятельно, не проще бы было спросить у меня? Или вы до сих пор не поняли, что я вам не враг?

«Не враг».

Я хмыкнула, отвернувшись, стараясь сохранить внешнюю невозмутимость. Я не верю ему. Все в нем слишком... Слишком уж готовый прийти на помощь незнакомым Йагиням. Слишком отважный. Слишком... привлекательный. Очень слишком. Сударь Лиодор, тем временем, продолжал:

– Мое полное имя, сударыня, Лиодор де Эллар, прямой наследник герцога Дарнийского.

Ого! Я предполагала, что он окажется родней Дарнийскому оборотню – хозяину самого большого герцогства Светлой

Стороны империи, но что он может оказаться наследником, даже не подумала.

Как-то не очень вяжется обладание наследным титулом с должностью княжеского чародея! Собственно, свои рассуждения я тут же чародею и высказала. На что он пожал плечами.

– Образование в Академии при Ковене Чародеев – обязательное для обладающего чарами в нашем княжестве.

– Не для каждого, – буркнула в ответ. Но чародей не растерялся:

– Я действительно здесь при исполнении княжеского поручения, в поисках светлой целительницы. Собственно, кроме вас, здесь есть еще парочка юных дев, обладающих даром волшбы жизни.

О дивная Макошь! На кого это он намекает? Не на Йожку ли часом?

– Ирешка из Дома Травниц и Руссана из Дома Берегинь, – доверительно, шепотом сообщил сударь Лиодор и подмигнул.

Точно. Однако разведка у него поставлена на широкую ногу.

– Я внимательно присматривался ко всем вам, – продолжал чародей, а я совершенно невежливо перебила его и ядовито поинтересовалась:

– А почему бы вам не отправить нас на смерть всех троих?

– Пресветлый Род!* (*Род бог-создатель Вселенной, бог

судьбы. Славянская мифология) Дай мне терпения, – про-
бормотал маг, – Да никто и не думал отправлять никого из
вас на смерть. К тому же, я уже отправил отчет в Стольград
– где подтвердил, что здесь искомым особей не обнаружено!

– Как так?

– Ну а как? Девушки из других Домов – что одна, что дру-
гая, в скором времени планируют выйти замуж. Едва ли гу-
манно выдергивать их из-под венца. Оставались вы.

Я скривилась. Вот не везет – так с детства! Я как-то и не
сомневалась, что именно я осталась на заклятие.

– Однако увидев вас, я неожиданно понял, что у меня на
вас совершенно другие планы, – чародей посмотрел на ме-
ня с особой теплотой, что никак не вязалось с его хамским
заявлением. Я потрясенно открывала и закрывала рот, уста-
вившись на этого наглеца: просто не понимала, на что мне
стоит разозлиться больше: на его первоначальное желание
отправить меня на войну с Темным, или на то, что у него
возникли какие-то там планы на, между прочим, свободного
человека. Нахал. Вслух же поинтересовалась:

– Вас настолько поразила моя личина?

– Личина, – чародей задумался, – Нет. При чем здесь ли-
чина. Тогда, у реки, вы казались такой грустной и задумчи-
вой... И глаза у вас... Умные. Именно такой я вас, – и он
оборвал сам себя на слове.

– У какой еще реки? – возмутилась я, – И какие у вас
вообще могут быть планы на свободного человека? То есть

на наследницу Дома Йагинь? Вот идите к себе в герцогство, и стройте планы на крепостных селянок!

– Сударыня, – осторожно поправил меня чародей, – Вообще-то по всем сопредельным княжествам крепостное право отменено еще накануне Смутной войны.

Но меня уже несло!

– А откуда мне знать, что у вас в герцогстве отменено и что нет? Мне вообще никакого дела нет ни до вас, ни до ваших планов, уважаемый! За то, что начальству отписались, что нет здесь искомых объектов, или особей – не помню, как вы меня и моих сестер назвать изволили, благодарю покорно! И что с умруном разделались, тоже мерси вам в шляпу, но как только кость ваша срастется – катитесь-ка вы отсюда колбаской на все четыре стороны, потому как я в ваших планах никакого участия принимать не буду!

– А вот это уже не вам решать, сударыня, – улыбнулся мне этот нахал этой самой своей улыбкой, – Я намерен со старшей Йагиней по этому поводу говорить, с бабушкой вашей, Стефанидой!

– Да хоть с прапрапрабабушкой, – огрызнулась я.

– А с ней мы уже беседовали, – поставил меня в тупик этот наглец, и, не дожидаясь встречного вопроса, пояснил, – Встречались за Межой.

Нет, это уже ни в какие ворота! Врет он все! И с прапрапрабабкой они за Межой беседовали! Как же! И у реки он меня какой-то видел! Я же точно знаю – тогда, в доме главы мы

первый раз встретились. О чем не преминула сообщить брюнетистому нахалу. А он опять самодовольно так улыбнулся и пояснил: действительно, со мной *таким* вы тогда встретились впервые.

Что значит таким? Я не поняла... А потом присмотрелась получше к хорошо замаскированной ауре, которую он сейчас открыл – и все на свои места встало. Значит, не врал. И про то, что верлиоке нарочно поддавался – не врал, с его природной силой он мог бы сразу того одолеть. И его необъяснимая привлекательность тоже объяснилась. Животный магнетизм, я бы сказала. Оборотни – они такие. Почисте песиглавцев будут, пожалуй. Ну, и хвала светлым богам!

Я уж грешным делом подумала, что начинаю непростительно симпатизировать своему врагу – а раз он княжеский чародей на задании, пусть и божится, что все усилия приложил к тому, чтобы меня и моих сестер по волшебству оградить от предсказанной судьбы – все равно враг. Вот когда оставит меня в покое и покинет наши места – тогда, может, и поверю, что не враг. А пока нетушки... Стоп.

Присмотрелась повнимательнее – вторая ипостась у моего знакомого – элсмирский волк. Эка, должно быть, громадина!

Та-ак. Значит, тот самый волк, у реки...

Вдох, Сеня. Еще вдох. И еще. И, пусть совсем уже не осталось в легких места, еще. По древней йагиньской методике. Теперь медленный выдох. Клянусь, от неминуемой смерти этого во все свои белые зубы улыбающегося нахала спасло

только то, что он недвижимый валялся, совершенно беспомощный!

– Щучий сын!!!

Как бы мое сквернословие не услышали бабули, а заодно и все лявры Дальних Выселок! Хотя плевать! Вот откуда в наших краях объявился элсмирский волк, прямиком из герцогства Дарнийского, с проездом через Стольград!

От лютой смерти голубоглазого нахала его беспомощное положение спасло, а вот от звонкой, увесистой пощечины – нет. Показалось даже, что я руку об этого мерзавца отбила.

Чародей прикрылся обеими руками, не делая попыток, впрочем, уклониться от других затрещин. Двигать ногами ему было нельзя, так что он просто полулежал и выставлял перед собой руки.

– За что, сударыня Хессения? Что же люди о вашем воспитании скажут?

– О моем воспитании, извращенец! Да вам за подглядывание я сейчас пожизненный стазис на то самое место наложу!

– Сударыня! Помилуйте! А еще девушка из приличного Дома! Дарующая жизнь! – нахал пытался воззвать к моей совести и чувству долга. Наконец он взмолился, – Ну мы же с вами почти квиты!

Я недоуменно уставилась на голубоглазую заразу, и даже драться перестала. О чем это он?

– Ну как о чем? Вы же без штанов меня оставили, еще и ощупали всего, – нахально заявил чародей, – Ежели угодно,

можно и исподнее удалить, но только чтоб по-честному – я тогда вас тоже трогаю!

Очередная пощечина перевернула мерзавца на другой бок, а я взвизгнула от резкой боли в руке. Еще не хватало из-за этого наглеца руки повредить!

– Все-все, сударыня, сдаюсь! – негодяй поднял вверх руки, – Вы меня, между прочим, неправильно поняли! Я не о сейчас говорил, а делился планами на будущее, – перехватив мой взгляд, мерзавец поспешил продолжить, – Все, молчу, молчу.

А я все никак не могу прийти в себя от услышанного! Вот почему под его взглядом тогда так неловко было! В наших местах оборотни редко шалят, вот и пространство я прощупала тогда только на предмет людского присутствия.

Стоп! А если он оборотень – у них же регенерация бешеная! Достаточно прибегнуть к частичной трансформации и вернуть все на круги своя. Зачем ему сдалось мое лечение?

– Как же зачем, сударыня Хессения? А как еще мне было заполучить такую щедрую порцию ухаживаний от прекраснейшей из женщин?

Вот наглец Причем не этот его подкат обидел, а эпитет в мой адрес. Вот за что он со мной так?! «Прекраснейшая из женщин» ощутимо пнула этого притворяющегося оборотня, от чего он коротко взвыл.

– Может, прекратите, сударыня? Потом самой же лечить придется!

– Обойдетесь, сударь, – в тон ему ответила я, – Сами вы куда лучше справитесь!

– Если бы так просто было справиться с тягостным одиночеством, сударыня... – нарочно подзуживая меня, мечтательно заявил чародей.

Что он себе возомнил? Если наследный герцог, да еще оборотень к тому же, что же, девушки все должны ему на шею вешаться? Увы, но я иллюзий ни по поводу своих внешних данных не питаю, ни по поводу своего положения в обществе по сравнению с его.

Дом Йагинь, конечно, почитаем, как и любой волшебный род, но от всех навязываемых правительством титулов Йагини всегда отказывались. Мороки меньше, ибо обязывает. Мы просто видим. Видим Жизнь, как она есть. Для нас – что вот этот вот герцог, что дуб. Хотя от дуба, в жар, понятно, не бросает.

– Может, хватит придуриваться, ваше высокопревосходительство?

– Что вы, сударыня, предыдущего обращения «сударь» для меня вполне достаточно! Тем более из ваших уст, – чародей так пристально посмотрел на меня, что я опять густо покраснела. Вот зараза!

– Я о вашей ноге, сударь, – процедила сквозь зубы, – Готова поспорить, что она давно зажила.

– Так вы проверьте, сударыня, не буду вам мешать, – и

голубоглазый чародей смежил веки.

– Сударь!

– Сударыня?

Нет, он еще и издевается! Не понимаю, почему не уйду от него! Ведь понятно, что и с верликокой он сам прекрасно справился бы, кстати, и справился, не смотря на мою «помощь», и исцелил бы себя сам. Судя по его ауре, крови оборотня в нем на три четверти, и ее хватит за глаза.

Но я отчего-то не уйду и сижу рядом с ним, правда на некотором, безопасном, отдалении. Видимо, уйти не позволяет совесть – если правда то, о чем он говорил... Не все, конечно. Но вдруг он и вправду отписался в Стольград по поводу отсутствия магического дара у здешних юных ведуний?

Это подарило бы нам еще пару лет спокойной жизни. Хотя что-то мне подсказывает, что эта самая спокойная жизнь моя необъяснимым образом надломилась, и теперь... нет, не летит ко всем песиглавцам, конечно, но трансформируется, превращается в нечто новое, ведомое пока только светлым богам!

– А откуда кровь оборотня, сударь? – не смогла сдержать себя любопытство, – Значит, сам герцог Дарнийский вам бабушка?

– Вам не откажешь в наблюдательности, сударыня, – похоже, брюнетистому чародею очень комфортно, настолько вольготно он развалился на траве, – Хотя по большей части кровь оборотня у меня от матушки.

И таким тоном завершил начатое, что меня просто пере-дернуло внутри, будто обдало волной жалости. Сразу ясно, что какая-то нехорошая совсем история, о которой я осведомляться не собиралась. Не люблю в душу лезть. Я бы никогда не спросила, но тут чародей продолжил – совсем другим уже тоном, как будто чеканя каждое слово, дающееся с трудом:

– Я за Межу ее провожал.

Какой ужас! Значит, герцогиня Дарнийская... Жалко-то как! И неужели ничего нельзя было сделать?

– Случай был безнадежный, – как будто услышав мои мысли, кивнул мне чародей, и даже в этом своем отчаянье на человека стал похож, – Ваша матушка собиралась сопровождать, они дружили. Собственно, с ее слов я и о вас узнал, сударыня Хессения. Карточки я тогда вашей еще не видел, но ваш образ... То, как ваша матушка рассказывала... Захотелось убедиться – такая ли вы на самом деле, как я вас представлял. И реальность превзошла все ожидания!

Я банально в замешательстве. Все эти его неприличные комплименты совершенно неуместны, но он, таким образом, отвлекся от чересчур грустной темы. Что же делать? Возвращать его к рассказу нетактично, слушать о себе такие слова – стыдно. Однако чародей и сам вернулся к начатому:

– Я не позволил. В конце концов, я сын, я имею право. И я чародей. Посвященный. Собственно, за Межой с вашей родственницей и познакомился.

Так. Это он значит, про прапрапрабабку.

– Она матушку встречать вышла... Наверно, потому, что ваша матушка меня страховала. И обещала позаботиться о...

Понятно, о ком. Видно было даже в неярком свете чар-светлячков, что глаза чародея потемнели. От горя.

– В обмен на то, что я пообещал позаботиться о ее младшей внучке, наделенной целительским даром. Мол, девочке угрожает опасность.

Я в испуге закрыла рот ладонью. Сударь Лиодор, понятное дело, списал мой испуг на страх за собственную жизнь. Он продолжал:

– А когда в Стольград, в Академию вернулся... Ну, когда все закончилось... узнал, что по приказу его светлейшества набирают чародеев для очередной проверки на наличие – ну, вы сами знаете.

Я потрясенно кивнула.

– Пользуясь тем, что мне все равно нужно проходить практику, напросился сюда. После того, как отписался в Академию об отсутствии искомых объектов, песиглавцев распустил. Опять же, после случая в доме главы, сами понимаете. Зачем мне эти проблемы? Тем более дурная баба только и ждет случая, чтобы очередному в собачьем шлеме на шею кинуться. И ведь не от чувства большого! С досады. От злости. Оно мне надо? Пусть лучше не с моей руки.

О чем это он? О женке главы, что ли? Так он на нее даже и не взглянул. Хотя... Опытному чародею считать наме-

рения... Он и после мог с ней встретиться, в городе. Однако медлить нельзя. Ни в коем случае. Если уж прапрапрабабка младшую целительницу таким изошренным способом подстраховать решила... А не обратиться напрямую к бабулям... Ох, во что детишки нас всех втянули?! Что-то мне подсказывало, умрун верлиока – только начало!

Я резко поднялась.

– Мне нужно идти, сударь.

Коротко и ясно. Задерживаться дольше я и вправду не могла. Будь он хоть самым магнетически притягательным и несчастным чародеем на свете!

Йожка!..

И бабуль дома нет!

Сердце зашло барабанной дробью, отзываясь в ушах.

Чародей нагнал меня в пару прыжков. Может, он конечно, иной реакции на свою исповедь ждал, но мне сейчас не до его терзаний. Сестренка... Если что-то случится, никогда себе не прощу! Я сознательно произнесла про себя «случится». Вместо *случилось*.

***

Ночи в это время года, в самый конец страдника, короткие. Поэтому, когда мы подошли к дому, светало. Несмотря на утреннюю свежесть, мне трудно дышать, ноги как ватные...

Ощущения напоминают страшный сон – когда бежишь от чего-то, а ноги отказывают, подкашиваются.

Если бы не сударь Лиодор – я бы уже несколько раз как упала. И вряд ли бы так быстро дошла. Чародей не задавал вопросов, похоже, понял, что подскочила и понеслась домой я не просто так.

Родной дом встретил непривычной тишиной, от которой внутри все оборвалось. Почему-то явственно ощущается, что так тихо, не потому, что все его обитатели спят, а потому что дом пуст.

Совсем пуст.

– Дети! – крикнула, и крик оборвался, превратившись в какой-то нелепый всхлип. Никто не отозвался. Тишина. Страшная, жуткая. Не в силах справиться с дрожью в коленках, увидела, как свет начинает сгущаться, на глазах превращаясь в тьму.

Последнее, что было перед тем, как потерять сознание – это то, что сударь Лиодор не взбегает, нет, взлетает по ступеням.

А потом свет померк.

Глава 7

Сказ иной, седьмой. Где они?

В сознание привело похлопывание по щекам и резкий запах дегтярной настойки. Бабуля знает, что нашатырь я на дух не переношу, а запах дегтя необъяснимо нравится, поэтому и водит перед носом куском хлопка, смоченном в настойке с резким запахом. Бабуля? За одно мгновение вспомнились последние события и я резко вскочила, обнаружив себя на кухонном диване.

– Тише, тише, Сеня, лежи, – попросила баба Рая.

Я повернула голову – баба Стефанида и чародей сидят за столом в компании лешего, который отчаянно зевает, закрывая рот коричнево-зеленой, в сучьях и молодых листиках, ладонью, и пары домовых – Хозяйчика да Хозяечки, совсем поникших с виду.

– Ну?! – грозно обратилась бабуля хвала светлым богам, не ко мне, а к хозяину леса.

– Тише, тише, голубушка Стефанидушка, – ласково, как только что ко мне баба Рая, ответил ей леший. – Еще пару хвилин, чую, уже совсем скоро. Скорость нонче только запутать все может, потерпи, милая.

– Сеня! – даже не глядя на меня, баба Стефа знает, что я очнулась, – Иди поешь, разговор предстоит нелегкий.

Кто о чем, а бабули есть бабули. На столе дымится каша, источает упоительный аромат деревенский черный хлеб, ровными розовыми ломтями искушает некоторых оборотней холодное мясо, рядом скучает белый козий сыр. Довершают стол нарезанные овощи, ягоды, пышные оладьи со сметаной и обязательный кофе!

Несмотря на тягостность момента, сударь Лиодор не застеснялся и принялся поглощать предложенное со скоростью света. Я посмотрела на стол и почувствовала дурноту. Баба Рая вздохнула:

– Хоть кофею с молоком выпей.

– А лучше со сливками, – поддержала ее сестра. – И оладьи, Сенюшка, ты же любишь со сметанкой, – и бабуля подвинула мне поближе сметану и любимое вишневое варенье.

Сенюшка? Бабули обычно обращаются ко мне просто Сеня, а когда момент особо торжественный, или когда сердятся, полным именем – Хессения. Светлые боги, за что нам это? Малышам – за что? Они же еще такие крошки...

Неожиданно для меня, но, как видно, ожидаемо для остальных, через открытое окно в комнату влетел коловертыш*, и распластался прямо посреди стола, утонув мордой в сметане. (*Коловертыш в славянской мифологии – существо, похожее сразу на зайца и кошку, с обезьяньими цепкими лапами и хвостом, лесной бесенок)

Поднял кошачью морду с заячьими ушами, облизнулся, поклонился сначала лешему, затем бабулям. Нам с чародеем,

а тем паче, домовым, кивать не стал.

– Ты заканчивай давай лопать нахаляву, – строго обратился к бесенку леший. – Отвечай – видел?

– А ответу – сметану отдадите? – облизнув усы, нагло пропищала нечисть.

Леший от стыда за отбившегося от рук подопечного позеленел, и, что есть маху, стукнул кулаком по столу, отчего все приборы подпрыгнули, а я вовремя успела блюдечко с вареньем подхватить.

Бабуля Стефанида же, напротив, сохраняя элсмирское спокойствие, кивнула коловертышу – мол, отдадим, говори.

– А мисочку? – совсем уж обнаглел коловертыш.

Леший от такого свинства и вовсе покрылся зеленью, превратившись в кустик, а баба Рая, зная о странном пристрастии этого вида нечисти к фаянсовой посуде, кивнула:

– И мисочку отдадим, и сметанки подольем. Говори, родимый.

Коловертыш довольно усмехнулся, а леший приобрел обычный вид. Но хмуро сведенные сучковатые брови говорят о том, что маленького поганца вскоре ожидает урок хороших манер.

– Песиглавцы их увезли, – заявил коловертыш, и, подхватив миску со сметаной, собрался выпрыгнуть в окно, как бабуля Стефанида хлопнула по столу, гораздо изящнее и ловчее, чем леший, и прикрыла рукой хвост нечисти.

– Ты наглей-то-наглей, да знай меру, – строго сказала она.

Коловертыш скривился, вздохнул и принялся рассказывать:

– А что еще сказать? Часа два назад возвращался, я значит, с прогулки из соседнего лесу, вижу – песиглавцы идут, детей на руках несут.

– Ты что же, поганец, не видел, что это дети Дома Йагинь?! – возопил хозяин леса.

– Откуда мне знать, какого Дома эти дети? – не пожелал признавать правоту лешего коловертыш. – Вона, всем известно, как песиглавцы своих детишек обожают, сами растут. Может, энто их дети были?

– Совсем обалдел? Там же девчучка была! Ты видел когда-нибудь песиглавицу-женщину?

– А мало ли, чего в наших краях да с современной экологией не встретишь? Может, мутация какая. – отбрехивался коловертыш, но видно было, что врет. А с бабулями лучше не шутить – они добрые до поры до времени, пока дело не касается любимых внуков.

– Значит, так, родимый, – строго сказала баба Стефа, спокойно так, но от этого спокойствия даже у меня мурашки по спине побежали. Что уж говорить о лесном бесенке, на которого сейчас уставились два бездонных желтоватых глаза. Когда бабуля гневается – лучше быть от нее подальше – милль за пять сот, не меньше. Пристально глядя на коловертыша, баба Стефа наматывает на руку его то ли кошачий, то ли обезьяний, длинный хвост, и продолжает:

– Или ты сейчас рассказываешь нам всем правду – что именно видел и слышал, или оставшийся век доживаешь в качестве огородного пугала в каких-нибудь Нижних Погребцах или Черемухах. *Слово Йагини.*

После сказанного *Слова* нечисть затряслась крупной дрожью, а в глазах у коловертыша заплескался самый что ни на есть ужас.

– Так ведь непростые песиглавцы-то были, сударушка Йагинюшка, – проскулил бесенок.

– Говори, – резко, как камень бросила, приказала старшая Йагиня.

– Наемники это были Темного рыцаря.

У меня отвисла челюсть, благо, никто этого видел, все смотрели на рассказчика. Бабули переглянулись между собой и уставились на чародея. Тот сидел с выражением недоумения на холеном аристократичном лице.

– Со мной были княжеские песиглавцы. Его светлейшество укомплектовал для охраны, – ни к кому не обращаясь, сказал он.

– Ой, вы посмотрите на него, – нагло осклабился коловертыш. – Княжеские песиглавцы с ним были, держите меня семеро! – нечисть сделала вид, что сейчас упадет на пол, то есть на стол, от хохота, но перехватив взгляд бабы Раи, на бабу Стефу, он видимо, смотреть побоялся, тут же вытянулся по струнке и продолжил рапортовать, обращаясь почему-то к чародею:

– Песиглавцы – они же наемники, дурья твоя башка! Понятно, кто больше заплатил, тот и прав. Княжескими стали только после того, как Темный их послал. Или кого они, по твоему, про меж собой называли «рыцарь»?

Бабули посмотрели на чародея и синхронно вздохнули. А он, видимо, все еще не мог поверить, что оказался пешкой в чьей-то игре.

– Рассказывай по порядку, – строго приказала баба Стефа нечисти, обернувшись к чародею, добавила, – Потом твоя очередь. Нам надо знать, что им известно.

– Значится, – начал коловертыш, но чародей его перебил:

– Что – все от «рыцаря»?! Целая рота?!

– Да прям, целая, – презрительно отозвался бесенок. – Осемь молодцев их было, – Убедившись, что никто его больше перебивать не собирается, коловертыш принялся повествовать, обращаясь то к лешему, то к бабулям. Меня с чародеем и домовыми по-прежнему игнорировал.

– Значится, прав ты, батюшка, – сказал он лешему. – Очень подозрительным мне показалось то, что песишлемые не со своими мелкими идут. Пристроился я рядышком, чтобы каждое ихнее слово слышать. Тут-то и разобрал, что это наемники Темного.

Очень уж, говорили они, «рыцарь» доволен будет, когда светлая целительница сама, как миленькая к нему причапает – за своими кровиночками-то.

Бесенок перевел дух и приложился к мисочке со смета-

ной, и никто его не остановил. Пусть говорит, как умеет.

– То-то мне еще больше подозрительным показалось, что это они – несут сами, на руках, светлую целительницу и говорят при том, что сама она причапать потом должна. Непонятно в общем-то.

Я со стоном уронила лицо в ладони, а чародей – тот и во все вскричал:

– Как?! – и вскочил.

Но баба Рая, женщина ни капли не сентиментальная, когда дело до угрозы ее любимым внукам доходит, одним движением вернула оборотня на место. Сударь Лиодор видимо, сделал дальнейшие выводы про себя – чай, не дурачок, и замолчал. Правда, ненадолго:

– Что же, они, не видели, кого несут?

– Так ведь у песиглавцев с волшбой не очень-то, – миролюбиво пояснил ему бесенок. – Если ты, одаренный, не заметил в девчужке дара целительницы, то что о них-то говорить?

Непроницаемое выражение лица чародея куда-то улетучилось. Сейчас передо мной сидел не наследный герцог, не аристократ не знаю в каком поколении, голубая косточка, а обычный, очень-очень обескураженный парень. И было в его удивлении что-то такое детское, беспомощное – мол, как я мог? Но утешать его сейчас некому.

– Я тогда и подумал, – продолжил бесенок. – Куда домовые-то смотрели? – на этих словах Хозяйчик с Хозяечкой

вид приобрели очень уж понурый, прямо жалко их стало, – А потом увидел у одного из них, самого главного – они его все Старшиной Рустом называли, черный рубин в браслете, и все стало на свои места – сразу понятно стало, о каком это «рыцаре» они толкуют, иначе откуда им мощнейший темный артефакт-то взять?

Что верно, то верно. Черный рубин на браслете говорит только о том, что наниматель дал им на время свой Браслет Чар. Браслет этот, сродни Зеркалу бабы Раи или Посоху бабы Стефы, не у хозяина только один раз сработать может. Вот они и подгадали – и взрослых никого нет, мало ли, на взрослого чародея может и не подействует, а на домашнюю нечисть как пить дать. К слову, и кота Маркиза что-то не видно.

– Что же делать, – леший посмотрел на старшую Йагиню, и, видя, что коловертыш собирается покинуть помещение, строго цыкнул. – Тебя пока никто не отпускал! – бесенок пожал плечами и опять принялся за угощение. Я к нему поближе еще вазочку с вареньем подвинула. Пусть, не жалко. На него никто пока не обращал внимания.

– Темный князь, или, как привычней называть его, Рыцарь, враз у вашей внучки дар-то увидит, Йагинюшки, – продолжил леший, обращаясь к бабкам.

– Йогане не угрожает ничего пока, ведь не девица она еще, – подала голос Хозяечка.

– Ага, не угрожает, – не выдержала я, – Так может, изба-

виться от проблемы раньше-то умнее, чем ждать, пока она появится?

– Погоди, Сеня, – сказала баба Рая, – А ну как это действительно для того нужно, чтобы тебя из дому выманить? Ведь ты в силуходишь, лечишь уже?

– В силу новых открывшихся обстоятельств, – баба Стефа скосила глаза на чародея, – если уж сама Ефстафья, прабабка наша просила Дарика (интересно, давно ли он Дарик?) за прапраправнучкой своей просила приглядеть, опасность может угрожать со стороны темных как Сене, так и Йошке.

– Но, так или иначе, нет у нас другого выхода – мне придется к Темному князю добровольно отправиться, – сказала я.

Сказала и поняла, обратного хода нет. Есть крохотный шанс, что хоть детишки смогут вернуться домой. А я...

А мной придется пожертвовать.

Видно, правду говорят – от судьбы не уйдешь. Видимо, не по указу его светлейшества пошла бы, так по принуждению вот этому Рыцаря.

Бабуля Стефанида пристально посмотрела на меня и кивнула.

– Совсем выросла, – вздохнула баба Рая.

– Так что ж, Йагинюшки, неужто дом Йагинь в моем лесу пустой останется? – леший даже не пытался скрыть ни беспокойного тона, ни расстройства.

– Не останется, – твердо заявила я. – Потому как бабули

никуда не идут. Это моя судьба. Мне и идти.

На меня уставилось сразу семь пар глаз. Но две пары из них вовсе не казались удивленными.

– Перво-наперво для Йагини долг! – сказала, как отрезала, баба Стефа.

– Не бойся, Хозяин, – поддержала ее баба Рая. – И не в таких передрыгах Йагини бывали. Я все надеялась, что позже это случится, ну да посмеялся Числобог* над моими планами. (*Числобог – бог времени, точности, счета) Чай, не впервой.

– Да и дорога с оборотнем-то не так опасна, – добавила баба Стефа.

С каким еще оборотнем? О чем они? Они что решили, чтобы я, с этим нахалом? С этим наглецом? С какой-то радости?!

– Сударыня Хессения, – обратился ко мне этот самый нахал. – Меня рядом с вами слово держит, прародительнице вашей данное. Ну, и не только.

И так он сказал это «не только», что меня почему-то опять в жар бросило, а бабули почему-то переглянулись и усмехнулись. Хотя поводов улыбаться, на мой взгляд, нет совершенно!

– И от лесного народа будет тебе, дочка, провожатый, – пообещал хозяин леса, – Вот он, перед тобой, – и леший кивнул в сторону коловертыша, уже закончившего со сметаной и вареньем и методично уничтожающего оладьи, один за дру-

гим. Как в такое маленькое существо столько влазит?

– Что?! – заверещал он резаной свиньей. – Я?! С этими-то двумя? Да ни за что!

– А за сервиз фаянсовый? – коварно спросила баба Рая.

– Да какой сервиз, Йагинюшка?! К темным в пасть! Да сами вон идите со своей внучкой! А мне така прогулочка и за сервиз не нать!

– Не можем мы, понимаешь, какое дело. Всяк на своем месте сидит. Как же мы несколько деревень без целительской помощи-то оставим? – терпеливо объяснила ему бабуля. – А пока кого-нибудь на замену пришлют, песиглавцев этих и след простынет!

– Кстати, если мы через Штольград пройдем, у нас есть шанс их обогнать и перехватить детей, – уверенно заявил чародей, и все склонились над картой, которую он материализовал поверх скатерти, – Вот, смотрите, граница светлой империи, Кабаний Лог – сразу после него Земли Упырей и Обратной начинаются. Они только здесь пройти и смогут, мимо графства Менферского. Им что Штольград, что иные города и деревни огибать придется, чтобы вопросов меньше о детях задавали.

М-да. Да и зная детишек, я как-то по-хорошему даже посочувствовала песиглавцам. Все-таки для них дети – это святое, пусть и не песиглавики. Обращаться с ними они умеют, и зла им не причинят. Хочется верить, по крайней мере.

Значит, пока дети не пересекли границу Темной Сторо-

ны и пока не попали к самому Рыцарю, они в относительной безопасности... А что. Хоть этот брюнетистый и нахал, и вообще мерзкий тип, но вроде бы дело говорит. Успеем перехватить – и дело в шляпе. А бабулям и вправду уйти нельзя. И пока замену ждать – песиглавцы уже песиглавец знает где с мелкими будут.

Мои размышления прервал возмущенный вопль бесенка:
– Да не пойду я туда! Там упыри, там оборотни, там такая нечисть, что нашенской и не снилось. И ни в коем разе, и не уговаривайте.

– А тебя, милок, никто и не уговаривает, – нехорошо так прошелестел ветками, выросшими, точно рога, леший. И коловертыш замолчал, захлопал зелеными кошачьими глазками.

– С ними пойдешь! И пока дети с Сеней обратно не вернутся, домой можешь не возвращаться. И если обмануть решишься, бросишь их на полпути, считай, нет у тебя больше Дому-то.

Жестоко. Лишить лесную нечисть Дома, это больше, чем лишить человека жилья. Намного больше. Человек на другое место переедет – мир-то велик. А вот бесенку нигде покоя не будет. Но я понимаю хозяина леса, все мы понимаем, – коловертыши – лучшие разведчики. Никто кроме них не умеет быть настолько быстрыми и незаметными, угадывать дорогу и чуют опасность.

Я почти обрадовалась, что коловертыш пойдет-таки с на-

ми. Но увидев его взгляд, полный ненависти, уставленный на меня, уже не считаю, что брать его с собой хорошая идея. Зачем мне попутчик, который идет со мной не по своей воле?

Я уже собралась поделиться своими мыслями с лешим и бабулями, когда бесенок вылетел из окна, прижимая к себе фаянсовую мисочку, ту, обещанную, из-под сметаны.

– Попрощаться он, – заявил леший. – Как выходить будете – нагонит, не сможет иначе.

– Значит, нам вот еще что обсудить надо, – сказала бабуля, доставая стопку писчей бумаги.

Следующие два часа прошли в напутствиях, написании сопроводительных писем для обитателей Темной Стороны – нет, я знала, что *там* у бабуль знакомые, но не ожидала, что *такие* знакомые, и наших с Лиодором сборах...

В принципе, путешествовать с одним чародеем для порядочной девицы – моветон, а вот в компании лесной нечисти – совсем другое дело.

Пока баба Стефа писала письма, и из некоторых сразу делала красавок и выпускала в окно, я спросила бабу Раю:

– Так что там, на Дальних Выселках? Разобрались с ляррами-то?

– А то, не разобрались, – ответила она. – Разобрались, конечно. Хоть и тяжело пришлось. Гнездо-то их, проход то есть, из которого они полезли, образовался из-за колебаний чарфона, который двойняшки еще месяц назад повредили, а с вызовом верлиоки этого и вовсе в нескольких местах про-

худившегося. Нам со Стеней сейчас и фон латать, и недужных принимать, ты же пока в командировке, – бабуля улыбнулась.

И такая эта ее улыбка нежная, теплая, что я не выдержала – всхлипнула, и прижалась к теплому бабулиному боку – и плевать, что все смотрят. Когда я еще их увижу? И увижу ли?

– Сударыня Раифа, – влез один несносный чародей. – Так может, я могу помочь с регулированием фона?

– Сиди, Дарик, – махнула на него бабуля, – Набирайся сил. Тебе еще внучку нашу старшую, любимую, охранять.

– Не волнуйтесь за Хессению, сударыня, – сказал чародей таким тоном, что я почти простила ему все несносные намеки и подначки этой ночью. – Со мной юная Йагиня в безопасности.

Ой ли? Еще неизвестно, кто для меня большую угрозу представляет – Рыцарь или одна брюнетистая зараза? Темный понятно, по крайней мере – заберет жизнь, и ничего больше.

А этот голубоглазый чародей, похоже, вознамерился забрать мою честь. С сердцем – в виде абсолютно ненужного ему довеска.

Глава 8

Сказ иной, осьмой. В добрый путь...

– Сударыня Хессения! Ну, сколько раз повторять вам, что вы в любом случае были бы со мной в абсолютной безопасности! Даже если бы я не солгал князю! Ну что мне сделать, чтобы вас убедить!

«Щучий сын!», – чуть не вырвалось у меня в ответ на эту его попытку прекратить мой, то есть свой, бойкот.

Не знаю, как правильно сказать, но с чародеем я не разговариваю практически с тех самых пор, как мы покинули родной дом. Только в виде очень большого исключения, иногда. Песиглавец тогда его дернул потащиться через Верхний Курень, а я, как послушная овцелошадь, смиренно поперлась следом, не отдавая себе отчет, что пройти мы собираемся под необычайно изумленными, но пристальными взглядами сельчан.

Не знаю, чем я тогда думала, боюсь, что ничем.

У меня ноги подкашивались от осознания, что добираться до Темной Стороны вместе с этим вот недоразумением – по совместительству грозой девичьей чести.

И как бабули отпустили-то?

Неужто не видели его смазливую, хитрую рожу?!

Словом, когда в Верхний Курень зашли, представляли со-

бой весьма интересную для окружающих картину – боевой чародей-франт, с интересной аристократичной бледностью, суровой складкой у губ и весьма, скажу я вам, внушительным ростом – а следом за ним мелко семенит младшая Йагиня, с совершенно отсутствующим выражением лица. Только услышав за спиной неприятный мне голос столь же неприятной мне Федорки, поняла, какую фатальную ошибку мы допустили:

– Вишь, мамо, бабка Стефанидка-то не зря меня тогда к чародею не пустила! Вона, свою внучку ему решила сосватать! Тогда еще!

Мне не было видно лица чародея, но судя по заигравшим мускулам на его спине – а в их наличие я как-то не сомневалась после нашего, так сказать, близкого, знакомства в лесу, – было видно, что он напрягся. Или развеселился, кто его, окаянного, разберет!

Если бы Федорка зубоскалила только в мою сторону, я, быть может, не так разозлилась. Но она посмела назвать бабулечку «бабкой Стефанидкой»!

В общем, решила: лучше сейчас я ее приструню, чем потом бабуля. Не успела толком оглянуться и посмотреть этой нахалке в бесстыжие голубые глаза – вот почему такая несправедливость, почему голубоглазые все такие красивые! – как оказалось, что чародей уже развернулся, и не просто развернулся, а стоял к Федорке почти вплотную. Теперь вытаращенные глаза были не только у меня и Шелены,

но и у всей околицы.

– Сударыня желает заменить сударыню Йагиню в возложенной на нее княжеской миссии? – тихо, но так, чтобы вся деревня слышала, процедил он.

Федорка отступила на шаг и замотала головой из стороны в сторону – мол, не хочу. Может и ушли бы по-быстрому, если бы не подала голос тетя Шелена:

– Какая-такая миссия, сударь чародей? У Сени дар ихний, Йагинский, покамест не проявлялся?

Вот вредная баба! Ну, куда ты лезешь? Да и чародей хорош! Кто просил его?!

– А причем здесь дар, сударыня? – чародей галантно улыбнулся женщине, – Видите ли, в лабораториях столичных чародеев это никого не волнует.

– Что ты несешь? – сдавленно прошипела я сквозь зубы, дергая этого наглеца за рукав, и стараясь сохранить на лице улыбку.

– Сударыня, – шепнул мне чародей. – Никогда бы не подумал, что вы так быстро перейдете со мной на «ты». Очень этому рад. Очень.

– В лаборатории? – ахнула Шелена. – И как, Йагини отпустили?

– Что подделаешь, сударыня, – пожал плечами чародей, – Долг – прежде всего!

– Сударь, кончайте ломать комедию, – прошипела я. – Вы мешаете мне плести заговор.

Я действительно накинула на себя личину бабули, и теперь старалась внушить Шелене, Федорке и всем присутствующим, что видели они рядом с чародеем не меня, а бабулю. Так оно надежнее. Жаль, конечно, я не могла вмешаться им всем в память, и жаль, что сия светлая мысль не посетила меня раньше, а виной этому некоторые голубоглазые брюнетистые заразы!

Вышеупомянутый брюнетистый тогда прекратил развлекаться и помог мне с разговором. Но все равно я на него была злая. Даже больше чем раньше.

И вот теперь, он как будто бы не понимал, из-за чего я злюсь. Похоже, решил, что это из-за того, что первоначально он пришел к нам с миссией моего ареста, поэтому продолжал:

– Страховать вас должна была целая рота песиглавцев, нужно было только играть свою роль!

А вот это уже интересно. Что значит – страховать?

– То и значит, – пояснил он. – Неужели вы думаете, что его светлейшество верит в то, что светлой целительнице одной по силам справиться с Темным?

Я закивала головой. А как же пророчество?

– Пророчество – пророчеством, – резонно заметил чародей. – Только на этот раз князь решил подстраховаться. С целительницей решено было отправить песиглавцев – целую роту. И еще несколько рот присоединились бы у границы, будучи отозваны со своих заданий.

Понятно, с каких заданий. С поисков светлых дур, вроде меня. Чародей не стал меня переубеждать.

– Так мне или другой девушке предстояло путешествовать во главе войска? – недоверчиво осведомилась я, решив, что можно пока временно «забыть» про бойкот.

– Ну не совсем войска, но нескольких боевых чародеев и песиглавцев-наемников, точно, – кивнул сударь Лиодор. – Им и предстояло сделать всю работу, вам надлежало только присутствовать, так сказать, чтобы соответствовать пророчеству.

– Но ведь это самый настоящий заговор! Это нарушение подписанного закона о перемирии! – не сдержалась я.

– А кто спорит? – устало согласился чародей. – Княжеские войска не привлекаются, а наемники – они и есть наемники.

– Как выяснилось – не очень-то наемники и надежны!

Мы почти подошли к Штольграду, миновав Нижние Выселки, Нижний Курень и Черемушки и начали готовиться к ночлегу. Решено было войти в Штольград утром, нанять экипаж и следовать в нем до графства Менферы. Графство обогнуть по окраине, сменить экипаж и нацелиться на Кабаний Лог, где постараться перехватить песиглавцев. Заходить в Штольград сейчас не хочется...

Впотьмах искать трактир для ночевки – то еще удовольствие. К тому же, я все недоумевала, где коловертыш, которого леший отправил нас, то есть меня, сопровождать. Он так и не появился, когда мы выходили из дома, но хозяин

леса заверил меня, что это он из вредности.

– Ерепенится, дочка, молодой еще, – вздохнул леший. – Но тута он, токмо прячется. Ничо, привыкнет, еще подружитесь.

Подружитесь? Ой, что-то сомневаюсь.

Как вспомню недобрый взгляд нечисти, так и сомневаюсь. Хотя как ему еще на меня смотреть, если ему совершенно безапелляционно приказали меня сопровождать? Как-то в его отношении очень неудобно мне!

Разогрев заговором то, что бабули собрали нам в дорогу, я пригласила чародея и кликнула бесенка.

– Эй! Коловертыш! Я знаю, что ты тут! Иди ужинать!

Тишина стала мне ответом. Но я точно знаю – леший не мог ошибиться, особенно в том, что касается его подопечных, поэтому не оставила попытки.

– Бесенок! Ну, иди сюда! К сожалению, взять для тебя сметаны не получилось – она бы прокисла за день, но вот ломоть домашнего сыра с вареньем тебя ждет! И съесть надо немедленно!

В ответ хрустнула ветка. Так, уже хорошо, нечисть подаст признаки жизни. Здорово, должно быть, мы его раздражаем, если даже оглашение меню его не привлекло. Но я не привыкла сдаваться так быстро. Когда у тебя в младшеньких двое неслухов, и за их промахи от старших получишь ты, поневоле совершенствуешь педагогические навыки.

– Ну, если ты не хочешь, с удовольствием прикончу этот

аппетитный ломоть с малиновым вареньем – сама! – коварно крикнула я.

Мне показалось, или что-то на дереве сердито заворчалось? Видимо, я на верном пути!

– Хотя нет! Я примусь за лепешки, а сыр отдам чародею!

Чародей опешил – мол, такой я неприятный, что мной только нечисть пугать? Однако угроза сработала. В тот же момент черный вихрь слетел с дерева и подхватил обещанное угощение.

– Тьмонеистовый туес!* (*Туес – бестолочь, тьмонеистовый – невежа, старославянское) – раздалось сверху, и меня невольно передернуло. Надеюсь это он не мне? В мужском роде сказал, значит, чародею. Я облегченно вздохнула. Чародея не жалко.

Так, оборотень накормлен, вон, даром что аристократ, лично контролировал процесс разогревания бекона, похвлинно вздрагивая и бормоча мне под руку, что я его сейчас пережарю, довел – слов нет! Уже готова была опять забыть об объявленном бойкоте, но потом передумала. И коловертыш, скрывшийся в листве дерева, тоже довольно чавкает. Можно и самой приступить к заслуженной трапезе.

Только откусив от бутерброда и ощутив мягкий, нежный вкус домашнего хлеба, кусок домашнего сыра с пряностями и сочный помидор сверху – поняла, как проголодалась! Прикончив еще парочку таких же бутербродов, подумала, что не мешает и о фигуре подумать, и вместо вяленой дыни и

орехов в меду ограничилась большим яблоком. Ну и парой орешков.

– Эй! Коловертыш! Вяленую дыню будешь?

– Что, телеуха*, задобрить пытаешься? Не выйдет! – однако метнувшийся за вяленой дыней маленький смерч показал, что может и выйдет. (* Телеух – олух, глупый, старославянское)

– Почему это я – телеуха? – решила, что самое время обидеться. Я, в конце концов, его не обзывала.

– Как есть, телеухи! Оба! – чавкая сверху, сообщила нечисть.

Тут уже и оборотень завозмушался. Что-то мне подсказывает, что не будь здесь меня – чай, девица, все-таки, чародей бы ответил. А так вынужден почти что промолчать.

– Эй, нечисть! Не много ли на себя берешь?

– В самый раз, – нагло ответили ему. – А как вас еще называть, после того, что вы в Верхнем Курене сегодня устроили.

О, вот это уже похоже на конструктивный диалог! А что ж мы там устроили-то? Я личину бабулину набросила. Не сразу, правда, но все-таки...

– Ой, не могу, – издевательски протянул бесенок. – Пока ты суемудрую* там из себя корчила, Вольг Кривой уже в уме донос сочинял. (* Суемудр – ложно премудрый, древнерусское) Или ты думаешь, что нету в Верхнем Курене такого, чтоб наверх стучать? И даже если напишет он в итоге, что чародей твой – тьфу, видно, а не чародей, с бабкой твоей

шастает – то неужели никто не заинтересуется – а с какой радости ему с бабкой Йагиной прогуливаться – после того, как не нашел он девку-целительницу в ихнем доме?

– Их, – автоматически поправила я.

– Чего?

– Их доме.

– Ну, вот, раз такая умная, так и была бы умной там, где надо! – разобиделся коловертыш. – Я-то ученых книг не читал, Йагинями не воспитывался! Однако ж беспамятные чары, за вами, тусами, на всю деревню навел.

– Спасибо тебе большое, – с чувством сказала я. – Значит, ты больше на нас не злишься?

Коловертыш не ответил. Может, вредничает, а может, просто ушел по делам.

– Сударыня Хессения, это была шутка – подал голос бойкотируемый, и я демонстративно отвернулась. – Уверяю вас, развлекаясь в этом вашем Курене, я не имел никакого злого умысла! Разговаривая с дамами, я позаботился, чтобы наш диалог они впоследствии не могли вспомнить, как ни старались.

Значит, позаботился! Надо же! Тоже мне, заботливый какой! Нет, чтоб сразу сказать – так он, видите ли, только сейчас решил меня успокоить.

Молча подхватив грязную посуду, пошла ее мыть к ручью. Чародей увязался за мной со своей помощью. Однако не принесли его попытки результата – вот, ни разу. Пусть

знает в следующий раз, прежде чем так шутить.

Засыпая, я думала о Йожке и Демке. Как они там? Ночуют впервые вдали от родного дома... Хотя... Вот честно, не знаю, кого больше жалеть надо – мелких или осмелившихся их похитить песиглавцев. Как бы наемники ноги нам не начали целовать, когда мы детей у них отбивать будем, как избавителям.

Я-то своих младшеньких знаю... Успокоившись, внушив себе, что с детишками наверняка все в порядке – главное, не дать им возможности пересечь границу, я наконец-то, впервые за долгое время, спокойно заснула. Последней мыслью было – не было никаких последних мыслей, только злость на чародея. Но все-таки нам путешествовать вместе, поэтому с завтрашнего дня бойкот придется отменить. Если он, конечно, еще какую глупость не выкинет!

Глава 9

Сказ иной, девятый. В большом городе

В Штольграде решено было не задерживаться. Нам предстояло нанять экипаж и как можно быстрее двинуться в сторону границы.

Графство Менферское – огромное, заезжать в него – нет дураков, огибать надо, и на безопасном расстоянии. А это время. И как минимум три города проехать придется – Лиссу, Квакушин и Грезу. Да и весок не счесть.

Но сначала нужно было зайти в гостиницу к чародею, чтобы он собрал вещи в дорогу, да меня приодеть. Да, да, меня – все-таки нам следует передвигаться под легендой. В предстоящих в поездке городах решено было изображать из себя молодоженов, это даже я признала, выглядело логичней всего. На мой вопрос, высказанный кротким, ну ладно, около кротким тоном – может, нам все-таки изображать из себя брата и сестру – чародей ответил отрицательно.

– Во-первых, сударыня, меня здесь некоторые знают. А во-вторых, мы ни капли с вами не похожи, – в этом он прав, конечно, ну не всем же рождаться с такой аристократической статью и бледной кожей, но все равно обидно. – В-третьих, это сильно затруднит наше передвижение.

И, увидев, что я не очень понимаю, о чем он толкует, обо-

ротень продолжил:

– Мне каждую стоянку придется убивать каждого, посягнувшего на вашу честь, – на этих словах я покраснела, а чародей уточнил: – Вы этого хотите?

Это по правде совсем не то, чего я хотела.

– Издержки неудобства передвижения с красивыми женщинами в спутницах, – заметил чародей, пристально глядя на меня. От этого взгляда я немного опешила, часто заморгала, отвернулась. Вот ведь фрукт! Это кто же здесь красивая женщина? Я, что ли? Он совсем меня за дуру держит?

Нет, ну я конечно не урод, но и красавицей себя никогда не считала. Обычная. Можно даже сказать, ничем не примечательная... Вот Йожка – та вырастет настоящей красоткой! Светлые, почти белые кудри, голубые глаза, длинные ресницы, крохотная родинка над пухлыми губками – все говорит о том, что хороша она будет необычайно!..

А я? Русоголовая, зеленоглазая, как мавка... Ну ладно, может и не как мавка, как ундина, один песиглавец. Одно достоинство во мне – статный рост, да и то, на мой взгляд, спорное достоинство... По сравнению с селянскими девками всегда себя дылдой ощущала. Как-то не замечала я особо пристального внимания селянских парней – о чем я чародею и сообщила.

– Так ведь, сударыня Хессения, не забывайте, из какого вы Дома, – сообщил он.

А это при чем здесь?

– А при том, что только попробовал бы кто на вас посмотреть не с теми мыслями, старшая Йагиня взглядом бы испепелила.

Это да. Это бабуля может.

– Да и сдержанную, утонченную красоту простите, обычный селянин не заметит. Может, мимо и не пройдет, заглянется, а только куда вас пристроить в жизни своей – непонятно. Вы уж извините, но представить вас метущей деревянную избу или за пряжей, а тем паче разделяющей для фаршировки поросенка, сложно!

– Вы хотите сказать...

Я уже собиралась ему сказать, что разговор наш заходит в совсем уж неприличное русло, не пристало девице с мужчиной такие вопросы обсуждать, как он меня перебил:

– Я хочу сказать, что красота ваша исключительна, сударыня Хессения, и трогает сердце очень глубоко, как красота и нежность хрупкого эдельвейса или болотной кувшинки по сравнению с изысканностью розы и пышностью пиона.

Я сердито дернула плечом. Эдельвейс, значит.

Кувшинка, значит.

Болотная.

По сравнению с розами и пионами.

Понятненько.

Ясное дело, он просто издевается. Или зубы заговаривает. Знает гад, на что надавить. Вражина.

– Сударь, мне неприятна эта тема, может, сменим ее?!

– Вы, сударыня, хотели в лавку готового платья зайти, – бесстрастно напомнил чародей.

– Так может, вы за это время в гостиницу наведаетесь? – ответила ему в тон.

– Ну, вы же помните, что почтенным Йагиням я обещал ни на шаг не отходить от их внучки. Так что в гостиницу вместе пойдем, потом в лавку, а потом только на выезд.

– Да, вы уж не задерживайтесь, – прервал наш диалог перед воротами Штольграда непонятно откуда взявшийся коловертыш. – Не по нутру мне города. Да и сами меньше начудите.

– Ой, ты здесь! – обрадовалась я.

– А где мне еще быть, – злобно пробурчал бесенок, наградив меня сердитым взглядом, пробормотал про себя очередное ругательство, понятно, в наш адрес, а потом сплюнул. – Глаза бы мои вас не видели!

Ну что с ним делать? Настроение у меня, и без того весьма спорное, упало совсем.

***

Но все-таки дело прежде всего. Поэтому надо было брать себя в руки и идти в город. Договорились, что коловертыш будет с нами, только для всех он будет оставаться невидимым.

А мне нужно замаскировать свою внешность – меня мно-

гие знают здесь, не раз я с бабулями приезжала на праздники и в лавки.

Попробовав поэкспериментировать с личинами, обернулась к чародею, чтобы посмотреть на его реакцию – просто слегка исказила черты лица, но общий образ стал неузнаваемым.

– Неплохо, – согласился чародей. – Но нам нужно отвлечь внимание по максимуму, поэтому сделаем немного иначе, – он провел рукой у моего лица, и взглянув в зеркало, я вздрогнула: на меня смотрела ярко-рыжая девушка, с каштановыми бровями и ресницами, с россыпью веснушек на белой коже.

– Пусть мою спутницу запомнят именно такой, – сказал сударь Лиодор. – Совершенно непохожей на вас.

Я изумленно опустила взгляд ниже и обнаружила – какой стыд! – проклятый чародей прибавил мне пару размеров в груди и несколько в талии и бедрах.

– Сударыня Хессения, успокойтесь! Так нужно для дела! Покинем Штольград и вернем все на свои места.

– Как вы прикажете мне платье в дорогу покупать? Это же только личина! Продавец сразу заподозрит неладное, когда у него мои размеры на глаз и на измерительной тесьме не совпадут!

– Хм... – видно, что об этом он не подумал. – Ладно, тогда вашу личину подправим как раз перед походом в лавку, и сразу после нее, пусть большинство думает, что чародея

видели в Штольграде с некой рыжей пышнотелой девицей.

Вот оно значит, какие ему нравятся! А еще про красоту эдельвейса плел. Нахал!

В гостинице нас ждал сюрприз. Точнее не нас, а чародея. Я осталась в небольшой кофейне через дорогу, безапелляционно заявив, что в номер гостиницы к мужчине никогда и ни за что не поднимусь, и плевать я хотела на все его обещания бабулям. Я им тоже много чего обещала, если что. Честь свою блюсти и о доброй репутации заботиться. И что, что на мне личина?! Сама-то я знаю, что это я, и не надо так на меня смотреть!

Не дожидаясь очередных возражений Дарнийского оборотня, с милой улыбкой опрокинула ему на брюки чашку горячего, ароматного кофею, и на прощанье помахала ручкой, мол, буду ждать.

Попросила еще кофею и шоколадного торта, и эклеров, и корзиночек, и творожный пирог с маком в дорогу завернуть. Хозяин разулыбался, еще бы, подумал небось, что пышнотелая рыжая девица сама все это богатство схомячить изволит. И ведь не ошибся. То есть ошибся, конечно, но только я почти все коловертышу скормила. Он сидел на соседнем стуле, для всех остальных невидимый. Я его спиной прикрывала – ну чтобы не казалось со стороны, что кулинарные изыски сами собой исчезают в воздухе. Со мной коловертыш по-прежнему разговаривал сквозь зубы, чародея вообще игнорировал, но угощение принимал не без удовольствия. И на

том спасибо.

Так вот, сюрприз. В общем, не зря чародей настоял, чтобы внешность мне кардинальным образом изменить. Потому как на репутации молодого человека променада в компании посторонней девушки, не невесты, никак не отразится, к тому же чародеям больше позволено, чем обычным людям, а вот для барышни – позорное клеймо на репутации.

Но дело даже не в этом.

Женка главы-то, как оказалось, с песиглавцем каким-то все ж таки сбежала! По крайней мере, видели ее на выходе из города вместе с ним, а означать это могло только одно.

Эх, Малена, Малена! Не послушалась меня, точнее бабулю Стефу! Бросила сынишку от нелюбимого мужа, сбежала к вольной жизни...

Глава, говорят, от такого известия разумом помутился – он же только приехал, разыскал для женки любой крем тот самый, который просила, да еще гостинцев повнез...

Не успел до дому доехать, как уже почувствовал на себе массу сочувствующих, и при этом очень хитрых и любопытных взглядов.

А как домой зашел – обомлел.

Вся прислуга на коленях стоит, умоляют пощадить, помиловать. Мужик грешным делом, подумал, что с женкой или сынишкой худое что приключилось. А когда разобрался, что оба живы-здоровы, только вот ее уже сутки как дома нету, некоторое облегчение даже испытал. А потом осел – хорошо

догадались стул пододвинуть, и с тех пор ни на что больше не реагирует. Смотрит в одну точку, и молчит...

Все это сударь Лиодор рассказывал мне по пути к дому главы. Едва лишь услышав, что с мужиком беда приключилась, тут же вытащила чародея из-за столика, куда он вернулся со своим багажом, и потащила к выходу.

Облопавшийся коловертыш злобно сверкнул на меня глазами, ведь один крохотный эклер остался недоеденным. Я быстро расстегнула саквояж чародея, бесенок проворно в него запрыгнул, а я сунула туда ему пирожное. И те маковые пироги, что с собой завернули нам, заодно.

Про выражение лица наследного герцога рассказывать лучше не буду: он оказался возмущен моей наглостью сверх всякой меры, но я настояла на том, что об этом мы позже поговорим, а сейчас главное – главу спасти. По всему виду, хороший мужик, а симптомы у его внезапно случившегося заболевания весьма тревожные. Сомневаюсь я что-то, что это помешательство.

Что поделаешь – дар волшбы жизни так просто мимо недужного пройти не позволит.

***

Все оказалось точь-в-точь, как рассказывали люди, и как передал мне чародей. К слову, ему бы тоже личина не помешала, потому как кто давеча целую роту песиглавцев с собой

в Штольград привел? То-то и оно. В лицо княжескому чародею сказать никто ничего не посмеет, а вот оставаться сейчас здесь нежелательно. Не посмотрят, что боевик, а какую-нибудь подлянку устроить попытаются. Чтоб неповадно было сюда песиглавцев ротами водить, да честных женок с дома сманивать. Правда, к женке главы этот эпитет не подходил, ну так и не знал никто про прошлый ее позор. А пожалуй, и к лучшему.

Не обращая внимания на возмущенный взгляд лакея, или кто он там главе-то – мужик этот в ливрее, на охи, ахи и шепот горничных за спиной, сударь Лиодор решительно направился в покои, где находится глава. Я скромно следуя за ним. Так договорились: он опытный княжеский чародей и пришел попробовать спасти главу, а я так, прогуляться вышла.

– Моя помощница, – высокомерно бросил чародей лакею, даже не глядя на него, проходя мимо. Сейчас он ведет себя как истинный наследник герцогства. И такая уверенность на лице, что не пропустить нас слуги не посмели. Сударь Лиодор не услышал ехидного бабского шепота за спиной:

– Понятно, какая она помощница, чему помогает, – оглянулась и уставилась прямо в глаза все еще красивой бабе средних лет со слегка оплывшей талией.

– Еще одно слово, и попрошу чародея навеки лысой сделать! – сообщила я ей с милой улыбкой.

Ужас на лице нахалки и ее стремительно уносящиеся ша-

ги, переходящие в легкую трусцу, были мне наградой.

Унижения переносить я не намерена.

Глава сидел на кушетке в своих покоях, рядом с окном, и луч жаркого солнца падающий на правую сторону лица, вызывал испарину. Однако мужчина не шевелился, смотрел прямо перед собой, и совершенно не реагировал на очевидно мешающий ему свет.

В наступившей тишине отчетливо слышно, как стекающие капли пота мерно стучат о половицы. Чародей недобро покосился на слуг, а потом приказал всем выйти из комнаты. Вышли все, кроме городского доктора, который тоже здесь обитался, но, похоже, больше мешал, чем помогал.

Пришлось мне вмешаться – ведь видела же, что доктора не больной задержал в комнате, а мои бедра. Точнее, не совсем мои, а те, которыми чародей наградил. Я церемониться не стала – все равно здесь все свои, а глава никому не расскажет, и усадила городского целителя на креслице в дальний угол, предварительно оглушив стазисом. Сударь Лиодор присвистнул, а я пожалала плечами. Мол, и что? Если я целительница, так что мне его липкое внимание терпеть? Нужен он здесь больно.

Попробовала прислушаться к больному особым образом – то есть, услышать, увидеть все так же, что и он.

Плохо. Очень плохо. У него звон такой неприятный, свистящий в ушах стоит. А видит все, как в тумане, только с плавающими звездами. Хочет пошевелиться, но не может.

Я начала плести заговор, махнув рукой на чародея, точнее на его предложение помочь. Пусть с верлиоками да умрунами помогает, а здесь не лезет.

Заговор долгий, очень сложного плетения, я не делала его никогда еще, только в книжках читала и как-то, маленькой еще, видела, как баба Рая плетет. Отчаянно боюсь перепутать магические нити, памятуя главное правило целителя – «Не навреди»...

Впрочем, глава так плох, что я заведомо стараюсь не думать об исходе лечения... У бабули тогда получилось, но не факт, что и у меня сейчас выйдет...

У нас разный резерв силы, а об опыте и образовании и говорить не приходится. Что ж. Практика и только практика, – говорят бабули.

Теория хороша, но без практики ничему не научишься по-настоящему. Вот сейчас, стоя за плечами этого почтенных лет, но крепкого человека, сплетая нити чар и пропуская их по энергетическим меридианам ауры, я как никогда благодарна бабулям за суровый подход к моему образованию.

За бессонные ночи, проведенные в деревнях с больными селянами и скотом, за особую строгость домашних экзаменов, за самые что ни на есть жесткие, повышенные требования к моим знаниям, пробелов в которых бабули не допускали. Баба Рая рассказывала, что в Университете, или Академии, где целая группа студюозусов сдает экзамен, у последних нет-нет да и проскочит шанс подсмотреть, списать, полу-

читать баллы обманом. И потом получают недоучки, что для работы целителя совершенно недопустимо. То есть внучку свою Йагини натаскивали по полной.

Я недоуменно перевела взгляд на получившийся заговор, разноцветной сетью окутавший главу. Сударь Лиодор с интересом следил за моими манипуляциями. Вот несносный! Сидит тут, отвлекает своими умными голубыми глазами в угольно-черных пушистых ресницах! Вон как зыркает, даже рот приоткрыл.

У меня даже дыхание сбилось. Ну, вот почему он на меня так действует?

Ведь это нечестно.

Я-то, похоже, даже отблеска подобных чувств у него не вызываю. С досады я чуть не сплюнула, как давеча наш лесной друг, вот о чем, спрашивается, я думаю во время такого сложного лечения?

Однако отвлечься на чародея оказалось даже полезным – вернув взгляд к заговору, увидела, что свечение чар-сетки, текущее по одному из важнейших энергетических центров, потускнело – значит, энергия туда уходит больше, и заговор там не помешает укрепить. Исправив неточность, я приготовилась активировать сетку.

– Сударыня, – негромко, видимо, чтобы не испугать меня, проговорил сударь Лиодор. – Заклинание, точнее заговор у вас получился очень сложный. Вы, активировав его, вольете в него весь свой запас. Вам банально сил даже на лавку го-

тогового платья не хватит, я не говорю про дорогу.

А он прав. Если магических сил не хватит, сотворенный заговор выпьет жизненные. А о том, как тяжело потом восстанавливаться, думаю, и упоминать не стоит, итак все ясно.

– Что вы предлагаете?

– Как что? – изумился чародей. – Возьмите часть моей силы.

Я в раздумьях покачала головой. С одной стороны, мне понадобится много сил для активации заговора, наложенного на главу. С другой – непосредственный волшебный контакт, это... Это куда интимнее, чем телесная близость. При этой мысли меня немного качнуло в сторону.

А если физическая близость этого брюнета с его песьим животным магнетизмом вытворит со мной такое... Такое прерывистое, тяжелое дыхание, слабость в коленках, жар и озноб одновременно, то что же может быть от чар?

– Хессения, – прошептал чародей. – Не упрямясь. Возьми столько, сколько надо.

Ничего себе! Я еще не согласилась, а этот нахал уже со мной на «ты». Быстро, однако.

Брюнетистый чародей, видимо решил, что мои сурово нахмуренные брови говорят о раздумьях, и продолжил:

– Обещаю, я ни движения не сделаю, чтобы помочь тебе, просто откроюсь. Ты сама возьмешь столько, сколько нужно. Все-таки у меня опыта и силы побольше – я Посвященный чародей. И оборотень, забыла? И вообще, я сильнее!

Что сильнее-то – то да. Видели. Рассматривали ауру с пристрастием, так сказать. Тогда еще, в лесу, когда он открылся и позволил мне увидеть, что он оборотень. Я еще раз окинула взглядом сотворенную чар-сетку, главу – крепкого, даже привлекательного мужчину с безучастным, потухшим взглядом, и решилась.

Пусть этот взгляд останется потухшим по той причине, что от него сбежала женка, но не от этой тяжелой болезни, которая постигла из-за горя, предательства. Здоровый мужик – у него подрастает замечательный сынишка, которому нужен пример для подражания, да и просто отец рядом. Еще приведет в свой дом новую женку, лучше прежней, и не такую противную. А если не получится ничего сейчас – придется задерживаться здесь, и возможно надолго...

А мне догонять Йожку с Демкой надо! И оставить этого несчастного я тоже не могу, хоть и чужой, незнакомый человек! Для целительницы все одно... Дивная Макошь, не оставь свою неразумную дочь!

Слегка трясущейся от напряжения рукой я коснулась центра распахнутой ладони чародея.

Приготовилась, открылась... и активировала заговор. Сила привычно хлынула из меня, но на этот раз слишком мощным потоком. Я решила: лечу главу собственной волшбой, и только, когда дело дойдет до жизненных сил, возьму немного у Дарнийского оборотня.

Никогда я еще не плела такой сложной чар-сетки! Сила

так стремительно течет сквозь пальцы, что я сама не заметила, как резерв практически опустел...

В глазах потемнело, запрыгали звездочки, я поняла, что секунда – другая – и все, теряю сознание, а активацию заклинивания прервать никак нельзя. Тогда несмело и неловко потянулась за волшебным резервом чародея...

И вот это да! Я не знала, что на свете вообще бывает такое! Все эти мои подкошенные коленки, жар, испарина, чувство неловкости и красные, как маки, щеки оказались просто детскими игрушками по сравнению с тем, что я ощутила сейчас!

Кровь бешено запульсировала в висках, в ладонях, и в других, слишком уж потаенных местах. Сердце как будто оборвало свой ритм, проваливаясь в абсолютную пустоту, бездну, и тут же, испуганное, заколотилось как ненормальное. Коленки не затряслись, нет, они просто стали ватными и сложились, из-за чего я неловко уселась на пол, рядом с креслом, на котором сидит глава.

Горячие потоки – я не сразу поняла, что это внутренние потоки крови – хлынули по внутренней стороне бедра, вверх, к таким местам, о которых говорить вслух совершенно невозможно. Что-то задержало внизу, сокращая низ живота судорогами. И в то же время в расширившейся до размеров Вселенной груди как будто порхали миллионы чар-светлячков, а в глазах затуманилось.

Я подумала, не переняла ли я на себя хворь главы, но по-

том отогнала эту мысль, как нелепицу. Нет, ну если мужик будет до конца жизни так тащиться, то я ему только завидую...

Перевела взгляд на чародея и поняла, что от того, что я увидела, от его взгляда, тяжелого, глубокого, у меня просто заныло в груди от желания, чтобы он к ней прикоснулся. И все это под такой аккомпанемент бушующих гормонов, что если бы кто рассказал, что такое бывает – не поверила бы.

О том, что чародей чувствует то же самое, что и я, или не то же самое, но очень похожее, поняла только когда оказалась опрокинутой на пол и увидела, как потемнели голубые глаза. Сейчас они темно-синего цвета, и зрачки вытянулись, как у зверя. Чародей подмял мое тело, ставшее совершенно безвольным, под себя, по-хозяйски сжал талию, опуская руку ниже – на бедро. Чудо, а не ощущения! И другими ладонями, мы продолжали соприкасаться! Эта мысль была последней, прежде чем свет в моих глазах померк и наступила темнота.

***

– Хессения! Хессения! – голос чародея доносится как будто издалека.

– Дурья твоя башка! Почему не вмешался? – а это похоже на нашего лесного спутника.

– Я обещал...

– Обещал он! Шалопут несчастный! Девчушка досуха се-

бя выдоила, прежде чем твоей силой воспользоваться! Ты что, не видел?!

– Я...

– Я, я! Знаю я, чем ты думал! – зло верещал коловертыш.

– Но я сейчас, сейчас ей... отдам.

– Наотдавался уже! Она теперь вряд ли возьмет! Ведь видишь, что девке итак нелегко, так нет же! Взял и сам на нее залез!

Дивная Макошь! О чем они? Что произошло? Или я...

– ...уже не гожусь для праведной войны с темным Рыцарем? Так я и не собиралась... бабули меня убьют!.. – проворчала я вслух.

– Она бредит, – недовольный голос коловертыша. – Насылай сон. Ей отоспаться как следует надо.

Как отоспаться? Йожка! Демка! Нам нужно продолжать путь! Но тут я перестала слышать их голоса – один недовольный, обвиняющий, и второй оправдывающийся, извиняющийся, и мне почему-то показалось, что я лечу – и у меня за спиной крылья, и так хорошо, в синем-пресинем небе...

Взмах крыльев – и я проваливаюсь в воздушную яму, складываю их, вытягиваю перед собой руки – и стремительно спускаюсь вниз, как будто съезжаю по гигантской воздушной горке. Я вижу отряд воинов в шлемах из огромных, рыжих песьих голов, и в песьих же шкурах на могучих плечах, старательно огибающий человеческий поселок, и... что это?

Две маленькие белокурые и очень, очень знакомые голов-

ки! Почему мои мелкие едут на плечах песиглавцев? И почему у них такой счастливый вид, им что, не страшно? Почему у еще одного воина в рыжем шлеме на руках сидит пушистым рыжим комком наш кот Маркиз? И почему такие грустные и усталые, я бы даже сказала скорбные лица у самих песиглавцев, в особенности у тех, на чьих плечах едут маленькие негодяи? Впрочем, почему такие кислые мины у этих, мне как раз таки понятно!

– Но, овцелошадка, тронулись! – кричит Демка, и «его» лошадка обиженно говорит:

– Я же просил...

– Ну ладно, ладно. Овцебык! – сияет братик. Никодем всегда умел быть великодушным.

А Йожка в этот момент поднимает голову вверх, видит меня и машет рукой:

– Сеня! – кричит она. – Ты получила мое послание? – и тут же забывает обо мне, и радостно кричит брату: – Ну вот, а ты не верил! У меня получилось! Получилось!

Глава 10

Сказ иной, десятый. У главы

Вот бывает так – планируешь, планируешь, а боги смотрят на тебя и потешаются. И летят твои планы в Тартарары, и забываются самые мысли о них, как забывается прошлогодний снег...

Ненавижу планировать!

С тех пор, как в детстве поняла – планы эти рукой не потрогаешь, на вкус не учуешь, да и сбывается запланированное крайне редко. Как бабули учат: «Проси светлых богов того, что они сами знают, для тебя лучше. И не гневи их по ерунде, не доставай пустячными просьбами!».

Может, я разгневала богов «пустячными просьбами» как можно быстрее нагнать братика и сестренку? Уносимых на могучих плечах песиглавцев-наемников? Может зря я так истово взывала к высшим силам, просила, умоляла... Просила: «Все сама сделаю... Все-все-все исправлю! Только дайте удали нагнать песиглавцев окаянных поскорее!»! И что же получилось?!

Разбудили меня весьма надоедливые, надо сказать, утренние лучи. Не успела до конца прийти в себя, понять, где нахожусь, слышу:

– Сенечка... Сеня... Наконец-то очнулась, маленькая...

Я открыла глаза и увидела склонившегося надо мной чародея, поняла, что это сон, закрыла глаза и попробовала перевернуться на бок.

Все тело сковывает неприятная слабость, как после тяжелой болезни или перерасхода сил... Перерасход сил? Вспомнила, что предшествовало этому самому перерасходу. Дом главы. Он сам с увядшим, поникшим взглядом, моя ладонь в руке чародея... потом... нет, не хочу вспоминать.

Открыв глаза, к удивлению своему отметила, что чародей все еще здесь, все также настороженно смотрит на меня, и взгляд его такой теплый, и вместе с тем нежный, и немного виноватый. Чародей вглядывается в мое лицо как будто с надеждой.

– Пить, – не представляла даже, что у меня настолько хрипло-писклявый, отвратительный голос. В тот же момент сударь Лиодор со сноровкой самой настоящей сестры милосердия поднял мне подушку и поднес к губам стакан воды...

Учитывая, что меня бросило в жар от его близости, я начинаю приходить в себя. Неловко очень пить вот так, из его рук, но в горле так пересохло, что мне не до стыда. Утолив первую жажду, спросила:

– Где мы? Сколько я спала?

– Где и были, сударыня, – несколько отстраненно заметил чародей, так, значит, то, что мне показалось сначала... правда, показалось. Оборотень как всегда неизменно вежлив. – В доме главы Штольграда. А спали вы – двое суток.

Неужели! Вместо того чтобы догонять песиглавцев, похитивших моих мелких, я нежусь тут на пуховых перинах!

– Как он? – не смогла не спросить я, это было даже важнее, чем уточнить, сколько я спала.

– С достойным Хориусом все в порядке, – Хориус... Прекрасное имя, в честь Хорса, светлого бога солнца, мне все больше нравится этот мужик! – Он пришел в себя сразу же, как только вы изволили потерять сознание, сударыня, – «изволила потерять сознание», значит. Интересный оборот, надо запомнить.

– А когда узнал, кто мы такие, не позволил покинуть свой дом, пока вам не станет лучше. И даже собирался послать за какой-нибудь дочерью Дома Травниц или Берегинь, но я уверил его, что и сам справлюсь с вашим недомоганием.

– Сударь, – грозно процедила я. – Значит, вам мало было воспользоваться моим телом в то время, когда я отключилась, так вы еще и посмели бессовестно лапать меня все это время! В чужом доме!

– То есть в своем доме было бы можно? – обольстительно улыбнулся брюнэт. Вот зараза. Видимо, ко мне и в самом деле вернулись силы, потому что я от всей души закатила ему звонкую пощечину.

– Сударь? Сударыня! – в дверях покоев стоит и недоуменно открывает и закрывает рот сам глава Штольграда!

– Здравствуйте, сударь Хориус! – с радушием поприветствовала я нашего хозяина. – Мы тут немного повздорили

с братом, – сделала такой нажим на последнее слово, и так гневно сверкнула глазами в сторону «братца», что брюнетистая зараза и не подумала перечить! Выпрямился, держась за ушибленную щеку – жалко, почтенный Хориус так не вовремя появился, я бы ему, подлецу, еще добавила – и учтиво поклонился. Надо же, какие мы манерные!

– Конечно-конечно, сударыня, – поспешил заверить меня глава, и в этом его «конечно-конечно» – убей меня светлые боги! – отчетливо слышалось: «Как вам будет угодно, сударыня, с братом, так с братом».

– Как вы себя чувствуете, сударыня? Сударь Лиодор мне все рассказал – о том, как вы все свои силы потратили на то, чтобы вернуть меня к жизни, пожертвовав драгоценным временем, которое намерены были потратить на поиск брата и сестры.

Вот песиглавец побери! Никогда еще меня так быстро не ловили и не уличали во вранье! Впрочем, раньше я и не вралла никогда. Ну, так нагло. Глядя человеку в глаза. Знакомство с наследным герцогом отвратительно на меня влияет. Как же стыдно, ей-богу!

– Мог бы и предупредить! – злобно прошипела я чародею, стараясь при этом любезно улыбаться хозяину. Что удивительно – и тот, и другой, старательно сдерживают смех, что бесит!

– Не успел я, сударыня, – давясь смехом, сообщил чародей.

Вот, как говорит наш коловертыш, тусес! И чувство юмора такое же – тусесовое!

– Сударыня, – любезно обратился ко мне почтенный Хориус, – поверьте, после всего, что вы для меня сделали, считайте своим должником навеки. И я никогда и никому не выдам вашу тайну!

Глава при этом обе ладони прижал к груди, и смотрит на меня так искренне, что мне стало очень, очень, и очень стыдно. Просто мерзко от самой себя. «После всего, что вы для меня сделали»! Знал бы он, *что* я для него сделала! Приняла ребеночка– песиглавца от любимой женки и скрыла это ото всех, проводив малого с родным папашей. В общем, потупила я глаза, и краской стыда и раскаянья залилась по самые уши.

– Сударыня, – мягко продолжал глава. – Если вы испытываете стеснение от того, что помогли тогда моей Малене с родами... Ну, когда она от наемника рожала...

Зыркаю глазами в сторону чародея. Вот, паразит! Ну, хуже бабы ведь, ей богу!

Или это легендарная мужская солидарность?

Гневно так на него тарашусь, а он стоит с совершенно невозмутимым видом и руками разводит – мол, а что вы от меня хотите, сударыня? Я там тоже был и слова молчать никому не давал.

– Сударь, – как же стыдно смотреть главе в глаза!

– Сударыня, – перебил меня этот крупный, добрый, похо-

жий на медведя человек. Не стесняясь, уселся на край кровати и взял за руку. И нет в этом жесте ничего предосудительного. Так подсаживается к дочери отец, чтоб пожелать спокойной ночи или спросить, как у нее прошел день. Или узнать планы на завтра. В общем, в жесте этого большого мужчины, когда он взял мою все еще слабую руку в свои огромные ладони, столько нежности и тепла было, что я как будто почувствовала себя опять маленькой непоседливой девочкой. Девочкой, которую вот так же брал за руку папенька, когда хотел, чтобы она его услышала. Мне наверно повезло – мой отец ни разу не повысил на меня голос. А на последствия так скажем, неправомерных «воспитательных» действий я насмотрелась в селянских избах... Только став взрослой, по достоинству оценила мудрость и справедливость собственных родителей. Впрочем, не зря ведуны – это элита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.